

ХОЧУ ТЕБЯ
Проучить
Кирю Фарди

Кира Фарди

Хочу тебя проучить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69871063

Хочу тебя проучить:

Аннотация

Он – мажор, который привык получать все, что ему хочется. И теперь в игрушки он решил заполучить меня.

Но я не собираюсь становиться его очередной куклой!

– Матрёшка, не зли меня, – он так близко, что волосы на руках стоят дыбом.

Испуганно оглядываюсь. В ресторане пусто.

– Не приближайся ко мне! – взвизгиваю не своим голосом.

– Господин...

– Не приближайся ко мне!

– Господин... – он наклоняется, взгляд хищника парализует, сводит с ума. – Я научу тебя послушанию, крошка. Повторяй!

И я повторяю, стиснув зубы:

– Вам эспрессо или латте? Господин...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	65
Глава 11	72
Глава 12	78
Глава 13	86
Глава 14	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кира Фарди

Хочу тебя проучить

Глава 1

– Ты уволена! – говорит мне босс и опускает глаза в бумаги, больше я его не интересую.

Новость взрывается в голове, как бомба, и не даёт осознать случившееся. Стою, разглядываю гляцевую лысину директора, едва прикрытую редкими волосками, и чувствую себя оплётанной. В голове вихрем проносятся провинности, за которые можно наказать так радикально, и ни одной не вспоминаю.

Черт! А может, я разбила любимую чашку шефа? Или не заметила его и случайно ударила дверь? Когда носимся с подносами в час пик, всякое может случиться.

– За что? – выдавливаю из себя наконец после паузы.

– Свободна!

Вот это номер! Даже разговаривать не хочет. Но увольнение не каприз взбалмошного шефа. Это серьёзно. И потом, меня нельзя выгнать.

Нет, не так!

Мне!

Нельзя!

Увольняться!

Ни в коем случае! Потеря хорошей работы подобна извержению вулкана, поток лавы опять бросит мою жизнь на самое дно.

Я мгновенно встряхиваюсь и заламываю руки. К дьяволу гордость!

– Погодите, так нельзя! Иван Тимофеевич, объясните хотя бы, что я сделала?

– Мартынова, ты у нас больше не работаешь, – директор бросает на меня быстрый взгляд поверх очков и снова погружается в бумаги. – Вон там дверь, видишь? – толстый палец показывает на выход. – Закрой ее с другой стороны.

– Но...

– Хочешь уйти с охраной?

Его слова вызывают еще больше недоумения. Неужели я такой злостный преступник, что секьюрити нужны?

Я больше не спорю, хотя ничего не понимаю. Выхожу в приемную, но секретарши на месте нет. Да и вообще вокруг пусто, словно все сотрудники разбежались, как тараканы по углам, не желая со мной встречаться.

В раздевалке сижу, смотрю в одну точку. В голове не укладывается такой поворот судьбы. Уже почти год работаю в этом элитном ресторане и ни одного нарекания. Казалось бы, жизнь наконец перестала штормить, вошла в привычное русло, а тут это.

Выгнали, мать твою за ногу, как блудливую дворняжку!

За что?

В душе нарастает протест.

– Кристя, – в раздевалку заглядывает запыхавшаяся Надя, старшая смены, – Уф! Хорошо, что ты не ушла. Там тебя клиент просит.

– Меня? – теперь удивляюсь ещё больше.

– Ага! Тот, который жалобу на тебя накатал.

– В смысле?

– В прямом. Не понравилось этому мажору, как ты улыбнулась.

– А я должна была сделать это по-особенному? Одним углом рта, или раскрыв только четыре передних зуба? Кроликом поработать? Вот так?

Закусываю нижнюю губу, оттопыриваю верхнюю и делаю страшное лицо. Надя машет рукой и хихикает.

– Ну, ты даёшь! Завидую тебе, девка! Даже в такой ситуации пытаешься шутить.

– Я не шучу. Чего ему надо?

– Вот ты у него и спроси. Я сама удивилась, когда позвал. Бегом в зал. Может, босс ещё передумает.

Подавляю желание плюнуть на клиента и уйти по-английски. Любопытство побеждает обиду, хочется посмотреть на козла, одним взмахом сломавшего мне жизнь.

Кладу вещи назад в шкафчик, поправляю фартук и кокетливый берет, любуюсь собой в зеркале. Мне очень идёт блузка в яркую розовую полоску с бордовой отделкой по во-

ротнику и рукавам. Это цвет делает кожу лица нежной и почти прозрачной. Ни одной косметикой такого эффекта не добиться. Жаль, что больше не надену униформу.

Натягиваю берет чуть ли не до носа и шагаю в зал.

Нужный стол нахожу глазами сразу и тут же вспоминаю одинокого молодого человека, заказавшего только латте. Когда приносила заказ, не обратила на него внимания. Обычный клиент, каких за смену проходит через мои руки много.

И вот поди ж ты! Сволочью оказался.

Осторожно разглядываю парня издалека. Симпатичный, модный, породистый. Волнистые волосы украшает стильная стрижка с выбритыми висками и затылком, светлой и гладкой коже позавидует любая девчонка. Легкая щетина не портит общего приятного впечатления.

И одет парень с иголки, узнаю известные бренды и коллекции, нагладелась на них за год достаточно. Сидит, небрежно откинувшись на спинку стула, этакий король на расслабоне.

Интересно, сколько ему лет? Трудно определить возраст: он может быть студентом-первокурсником или боссом крупной компании. Такие породистые лица долго сохраняют молодость и привлекательность.

Одно слово: МАЖОР!

Самовлюбленный и уверенный в своей неотразимости мажор.

И чем я такому не угодила?

Глава 2

Телефон звонит в самый неподходящий момент. Джули прыгает на мне с таким задором, что совершенно не хочу ее отвлекать. Вот-вот блаженство разольется по телу, вот-вот...

Но проклятый рингтон не унимается. Наощупь нахожу мобильник и подношу к глазам: отец.

– Какого лешего? Достал!

– Алекс, что такое? – хрипло спрашивает подруга, а ее шоколадное тело замедляет ритм.

– Ты продолжай, продолжай! – легонько хлопаю по упругой пятой точке и отбрасываю телефон в сторону.

Батя подождёт, наверняка ничего хорошего не скажет.

Но настроение уже сбито, желание завершить начатое куда-то исчезает. Мысли крутятся вокруг звонка и неугомонного родителя. Хватаю Джули за тонкую талию, сбрасываю с себя и сажусь.

– Алекс! – она обиженно смотрит бездонными чёрными глазами.

– Прости крошка, в другой раз, – тяну руку к пиджаку, вытаскиваю карту. – Сходи, купи себе что-нибудь.

– За кого ты меня принимаешь?

Подруга обиженно надувает и без того пухлые губы, но я вижу, как загораются алчным блеском ее глаза: довольна. Удовлетворять капризного русского мажора – это работен-

ка не из легких, надо очень постараться, а заработать на шопинг, ничего не делая, здорово.

Мобильник опять заходится в истерику. И зачем я так срочно понадобился отцу? Не ответишь, смешает с дерьмом, ещё отключит от кормушки, это его любимая угроза. А если вообще проигнорирую звонок, отыграется на маме. Папаша любит держать всех на коротком поводке и дергать за него, когда ему надо.

Вздыхаю и свайпаю по экрану.

– Да, слушаю...

– Слушает он! – голос отца гудит от ярости, отодвигаю трубку от уха и морщусь.

– Не кричи! Я не глухой!

Джули делает круглые глаза. Она уже оделась и стоит у кровати, наклонившись, в ожидании поцелуя. Ещё одна матрешка, которая ради денег готова на все. Но вкусная матрешка, пока не надоела. Провожу пальцем по ее губам, они податливы, как пластилин, легко меняют форму.

– Засранец! – орет батя. – Почему я не могу до тебя дозвониться?

– Не перегибай! Я же ответил.

– Санька, хочешь помериться со мной характером?

Вздыхаю: опять двадцать пять. И какая муха его укусила? Встаю, чтобы запереть за Джули дверь. На пороге она лезет ко мне с поцелуями, я ее выталкиваю. Горничная, которая везёт по коридору тележку, охает, разглядев, что на мне ни-

чего нет. Делаю характерный жест бёдрами и подмигиваю, девушка краснеет и пробегает мимо номера.

– Как ты можешь, Алекс? – шипит Джули, захватывает пальцами мою кожу и скручивает ее.

Вот зараза! Больно же! Шлепаю ее по рукам.

– Санька, ты где? – вопит в телефоне отец. – Что там у тебя случилось?

Спятить можно! Не утро, бедлам.

– Все нормально, связь пропала, – мычу в ответ и прикусываю мочку Джули. – Приходи вечером.

– Ты с кем разговариваешь? Каким вечером? – не успокаивается трубка.

– Я занят сейчас, – закрываю наконец дверь. – Вечером не можешь позвонить?

Ставлю телефон на громкую связь и иду в ванную: выслушивать вопли отца нет никакого желания. Он что-то кричит, но сквозь шум льющейся воды доносятся только отдельные слова:

– Не могу... гаденыш... заблокирую карты... придушу... только посмей!

В целом, ничего нового, это я слышал уже сотни раз. Нервы превратились в канаты, ни одним воплем не прошибешь. Выключаю воду и в тишине доносится:

– Жениться... невеста... Королева.

Что? О чем это он? Кто женится? Какой король? И причём тут я?

Наскоро вытираюсь и хватаю телефон.

– Поздравь брачующихся и за меня.

– Кого?

В коротком слове столько замешательства, что настораживаюсь. Кажется, я промахнулся.

– Н-ну, того, кто женится.

Говорю осторожно, сейчас я на минном поле: шаг влево, шаг вправо и разбрасает по стенам кусочки брэнного тела.

– Сам себя и поздравишь. Тебе забронирован билет на ночной рейс до Москвы. Завтра жду дома.

– Батя, я не понял. Ты о чем?

– Прилетишь, узнаешь, – злорадно хмыкает родитель.

Черт! Швыряю раскалившийся мобильник на кровать. Разговаривать с папашей бесполезно, он в последние годы как с цепи сорвался. Нет, раньше у нас были приемлемые отношения. Даже на рыбалку пару раз ездили, общались без криков и угроз.

Но после того, как батя завел себе юную любовницу...

Передергиваюсь от отвращения. Нашелся мачо престарелый, мать ети!

Плунуть бы на все, послать этого тирана подальше! Так нет, не могу! Я как раз та разменная монета, на которой мир в семье держится.

Пока веду себя как дохлый опарыш на крючке, все довольны. Мама наслаждается тихой жизнью в Подмоскowie, я делаю вид, что учусь, и трахаю куколок любого цвета, а папаша

лелеет свою любовницу, которая ему в дочери годится.

Да, загадал родитель задачку! Какая женитьба? На ком? Московские Барби как на подбор: двое из ларца одинаковых с лица. К одному хирургу, что ли, челноками мотаются? А других в моем окружении нет.

Пока кофемашина выдаёт утреннюю порцию эспresso, я мучительно думаю: что же делать? Англия с ее чопорностью и вечной сыростью надоела до чертиков. Вон, опять небо затянуто, идёт дождь, без зонта на улицу не высунешься. Диплом управленца получил ещё весной, но до сих пор его обмываю в барах и пабах.

Идти по дорожке, проложенной отцом, не хочу, а свою ещё не выбрал. Так и болтаюсь в пространстве, как дерьмо в луже: ни туда, ни сюда. Больше из вредности, чем по необходимости.

Подхожу к зеркалу, с минуту разглядываю свою отёкшую физиономию. Ночные возлияния оставили на ней заметный след. Под глазами синяки, небритый подбородок покрыт грубой щетиной, самому противно прикасаться, волосы спутались и стали похожи на птичье гнездо.

И внезапно решаю: лечу домой!

Домой, а там будь, что будет!

Быстро одеваюсь и выбегаю из номера. Плотный завтрак, массажный салон, кабинет стилиста, модный бутик – и я уже выгляжу по-другому и чувствую себя иначе.

В самолете закрываю глаза и представляю Москву. Ее си-

яющие огнями улицы, знакомые места, друзья и приятели, рестораны отца. Сколько их? Десять? Пятнадцать? Компания давно превратилась в холдинг, сама производит все оборудование и оснащение для зданий и пищеблоков.

Идея вдруг стреляет в голову.

А что, если... выпросить парочку заведений себе? Так сказать, за хорошее поведение. Соглашусь жениться и потребую подарок на свадьбу. Точно! И сразу стану независимым дельцом.

А навязанная жена...

Черт! Об этой Кукле даже думать не хочется. Как представлю, сколько геля в губах и силикона в заднице и титьках, так вздрогну.

Мысли принимают другое направление. Надо потерпеть годик, а там – развод и девичья фамилия. Вот тогда и развернусь по-настоящему.

Хотя, кто его знает, может, я рано злюсь. Глядишь, невеста ещё понравится?

Зря надеялся. Не понравилась!

Совсем!

Глава 3

В Москве намеренно останавливаюсь в отеле.

Да и куда возвращаться? В родительский замок за городом? Не хочу. Жить вдали от шумной столичной тусовки тоскливо.

В квартиру отца, где он любитя со своей лялькой? Но там батя постоянно на натянутом нерве, и его подстилка проходу не даёт, испытывает моего братишку между ног на выносливость. Эта девица – бомба замедленного действия. Даже просто кувыркаться с ней время от времени назло отцу опасно. Последствия представить страшно.

Однако идти на встречу с батей, не владея информацией, не хочу.

Набираю номер его любовницы. Эта дамочка явно метит в мои мачехи, наверняка все знает.

– Алло! – томный голос поёт в трубке, словно ручеёк журчит.

Так и представляю холёную блондинку, которая лежит на белоснежных простынях и потягивается. Прислушиваюсь к себе: нет, ни одна жилка не дрогнет, а ведь когда-то мой братишка делал стойку при одном движении ее бровки. Я даже бесился, что она выбрала папашу.

– Вероника, это я...

– Алекс! О Боже! Алекс! – быстрый топот босых ног по

паркету: вскочила, носится по спальне. – Милый, дорогой! Так приятно тебя слышать! – интонация меняется, становится игривой. – Проказник, где тебя черти целый год носили? Ни разу не позвонил. Я соскучилась...

Ещё бы! Перед отъездом Ника даже всплакнула, что долго меня не увидит. Можно сказать, что я спрятался в Англии от этой шучки, которая нацелилась сразу на двоих мужиков из семейства Громовых.

– Слушай, мне батя звонил, какой-то женитьбой уши грел. Его прямо бомбило.

– Алекс, детка...

Хмыкаю. Нашла детку! Почти метр девяноста вымахал, да и будущая мамочка всего на пару лет старше.

– Без «деток» давай!

– Борик тебе невесту нашёл. Хочет, чтобы ты женился и образумился наконец.

– Да пошёл... он! – сплевываю в сердцах. – Его матрешки мне по барабану!

Выкрикиваю и прикусываю язык: Ника решит, что это я ее так назвал, но она реагирует хохотком.

– Бунтуешь?

– Нет. Просто не хочу, и все! Придёт время, сам найду.

– Я соскучилась...

– Не начинай...

Бессмысленный разговор заканчивается, а раздрай в душе остается. Информации – ноль, настроение – ниже нуля.

При личной встрече батя еще больше напускает туману.

– Увидишь, – говорит он, закатывая глаза. – Соблазнительная штучка. Она такая... такая...

– Вот и бери ее себе, – огрызаюсь я.

– Ты что! Мне Никуша все глаза выцарапает.

– Ага! Как же! – хмыкаю вслух, а в голове вертится: «Никуша найдет себе нового папика или его сыночка. Она гуру в этом деле».

– Санька, не дерзи! – свирепеет батя. – Иначе...

Он замахивается, но я спокойно смотрю на него. Уже давно не боюсь этого седого мужика с мешками под глазами и пивным брюшком, подчиняюсь только из нелюбви к разборкам и скандалам.

И вот уже полчаса жду эту матрешку в семейном ресторане. Специально выбрал подальше от центра Москвы, чтобы случайно не встретиться с приятелями. Чтобы я, да на свидания вслепую ходил? Где это видано?

Загадочная невеста опаздывает, а я терпеть не могу непунктуальность: что-что, а это качество характера батя вбил в меня кулаками.

В груди полыхает огонь, того и гляди выплеснется на кого-нибудь.

– Что вы будете заказывать, господин? – женский голос с какими-то горловыми нотками раздаётся прямо над ухом.

– Латте принеси, – говорю, не поднимая головы, и смотрю на часы: ещё немного посижу и уйду, пусть батя сам послед-

ствия разгребают.

Прозрачная кружка для латте появляется передо мной буквально через минуту, словно возникает из воздуха.

– Приятного аппетита, – говорит тот же голос.

Удивленный такой оперативностью, бросаю взгляд на официантку, но она уже идёт к другому столику. Мельком вижу ее профиль и замечаю кривую улыбку, словно девушка усмехается.

И эта туда же! Я что, похож на пацана, над которым можно смеяться? Открываю рот, чтобы все высказать официантке, но та исчезает в маятниковых дверях кухни.

Глухое раздражение, немного было притихшее, волной поднимается в груди. Делаю глоток и чуть не взрываюсь: кофе оказывается чертовски горячим.

От ненависти ко всем бабам, существующим только для того, чтобы портить жизнь нормальным мужикам, волна раздражения поднимается в груди, и это цунами на хрен отключает мозги.

Меня переключивает.

Набираю номер директора ресторана, представляюсь, приказываю уволить официантку и сразу забываю о ней. Телефон на столе вибрирует: звонит будущая невеста.

– Алекс, прости, опаздываю, – верещит в трубку она. – Стою в пробке на кольце. Пять минут – и буду у тебя. А ты не мог выбрать место поближе к центру?

– Не мог! – рявкаю в ответ. – Жду ровно пять минут. Не

появишься, твои проблемы.

Подношу к губам кружку с кофе и морщусь: он уже остыл, а пить тёплую бурду не хочу.

Поднимаю руку, вызывая официантку...

* * *

Я вижу поднятую руку мажора, но не тороплюсь: пусть подождет. Когда обслужила мгновенно, жалобу на меня наката. Сейчас если получу нагоняй, так хотя бы за дело.

– Здравствуйте, – подхожу бесшумно и спрашиваю максимально вежливо, хотя в душе бушует огонь, так бы и заехала по идеальной причёске полотенцем! «Держи себя в руках!» – твержу мысленно. – Вы меня звали?

Клиент бросает на меня равнодушный взгляд синих глаз, в зрачках мелькает удивление, словно он видит привидение.

– А ты кто?

Приехали! Он даже не знает, на кого наката жалобу?

– Я официантка. Подавала этот кофе. Теперь меня уволили по вашей жалобе. Позвольте узнать...

– А-а-а... Тогда... пошла отсюда... ты здесь больше не работаешь.

– В смысле? – точно сегодня шокотный день, ещё и на хама нарвалась. – Вы со всеми людьми так разговариваете?

– Как?

Он спрашивает, не отрывая взгляда от окна, словно ждёт

кого-то, на лице написано нетерпение и раздражение, а я тут что-то вроде мухи: летаю и жужжу над ухом.

– Как с собачонками или рабами.

Наконец я привлекаю его внимание, и наши глаза встречаются. Пронзительная синяя стрела летит в меня, я закрываюсь щитом вежливой улыбки на четыре верхних зуба, не зря в раздевалке тренировалась.

Его глаза вспыхивают недоумением.

– А ты кто, чучело?

Т-а-а-а-к, разговор пошёл по второму кругу. А за чучело ты еще ответишь, мразь!

– Из-за вас я потеряла работу, – терпеливо поясняю ситуацию, стиснув зубы. – Только что! Вот пришла понять, чем не угодила господину?

– Забери это...

Он резко двигает кружкой. Гладкое доньшко легко скользит по полированному столу. Я молча провожаю его взглядом. Даже интересно, сработает закон физики или нет? Стакан с остатками кофе балансирует на краю, перевешивается и с грохотом падает на пол.

Сработал!

– Упс! Какое невезение!

Маленькая месть боссу и ублюдку, который пожаловался на меня, но даже не помнит этого.

Брызги кофе и осколки стекла разлетаются во все стороны и орошают светлые брюки мажора. Тот вскакивает с пе-

рекошненным лицом.

– Как ты посмела, стерва? – шипит он, отряхиваясь.

– Я тут ни причем, он сам упал, – пожимаю плечами.

Развязываю фартук и снимаю берет. Тяжелые волосы падают на спину, и сразу так легко становится голове, так спокойно на душе, словно сбросила с себя невыносимый груз.

– Зато теперь я понимаю, – усмехаюсь, – меня надо было давно уволить за небрежность в работе. Держите! – сую ему в руки униформу. – Вместо салфеток используйте!

Разворачиваюсь на каблуках и тороплюсь к выходу из зала.

– Ах, ты... Ведьма! – несётся за спиной крик.

Мечтаю прибавить шагу и пуститься бегом, настолько все дрожит внутри от адреналина, ударившего в кровь, однако держусь. Если честно, я могла бы поймать кружку, но во мне словно черт проснулся: так захотелось наказать высокомерного мажора за унижение.

Глава 4

Смотрю остановившимся взглядом, как кружка скользит по столу, как перевешивается через край, падает и слышу спокойное:

– Упс! Какое невезение!

Стерва! Да как она смеет? Эта матрешка вдруг возомнила себя оскорбленной королевой. С какой стати? Я даже лица ее не помню, зато перед глазами до сих пор стоит ядовитая ухмылка. Ее уволили? Так, за дело! Нечего портить настроение клиентам!

Яростно отряхиваясь. Дьявольщина! Мои чиносы от Армани теперь заляпаны какашками кофе и похожи на тряпку. А девица вдруг снимает фартук и колпак и суёт мне все в руки.

Совсем обнаглела! Да знает ли она, кто я?

Мое возмущение захлебывается на корню.

Тяжелые блестящие волосы волной падают на лицо официантки, на плечи, на грудь. Она встряхивает головой, откидывая их назад, а я, как замороженный, смотрю, как пряди одна за другой, как в рекламе дорогого шампуня, перекатываются ей на спину.

Легкий цветочный аромат перебивает запах кофе. Раздуваю ноздри, вдыхая этот нектар, тянусь носом за девушкой, но она уже разворачивается и походкой от бедра плывет к

выходу из ресторана.

Я смотрю ей вслед и вижу тонкую талию, стройные ноги, узкие плечи и... волосы, блестящей стеной закрывающие спину. Рот наполняется слюной, в брюках становится тесно, и по телу кровью разносится желание. Дикое, необузданное! Хочется догнать эту самку, взвалить на плечо и унести в свою пещеру. И запереться с ней на сутки, на двое, на неделю...

– Александр Борисович, как же так? – голос администратора выводит меня из транса. – Ох, как неудачно! Простите! Позвольте помочь.

– Я сам! – рявкаю на суетливого мужчину, и он отшатывается, словно от удара. – Как зовут эту официантку?

Голос плохо подчиняется мне, откашливаюсь и отстраняюсь: не дай бог, администратор заметит мое смятение.

– Кристина. Но вы ее больше не увидите! Никогда.

«Никогда? Это мы ещё посмотрим!» – зло думаю про себя и бросаю взгляд на окно: девушка выскочила на улицу, может, спряталась где-то и рыдает. Во всяком случае все мои Барби поступали так, когда я их обижал. Эти матрешки ловко научились слезами манипулировать мужиками.

Но не мной! На такие приёмчики не реагирую, ещё больше злят.

Администратор исчезает и появляется с ведерком, из которого торчит зелёное горлышко.

– Это презент от ресторана. Извините за неловкую ситуа-

цию, – бормочет он.

– Меню принесите! – приказываю в ответ, мне сейчас не до него.

Взгляд медленно скользит по ресторанному двору и саду. И где эта официантка? Куда спряталась зализывать ранку? Дьявол, сквозь эту стену зелени ничего разглядеть невозможно! Боковым зрением замечаю девицу в шубке. Она скачет на крыльце, размахивая платиновыми волосами, и машет мне рукой.

Это невеста?

– Блин-блинский! – вырывается стон.

У меня не батя, а презерватив в очках. Ну, куда его глаза смотрят? Знает же, что ненавижу таких кукол, а он подсовывает мне еще одну наподобие своей Вероники. И что делать с этой лялькой?

Стискиваю зубы: терпение, только терпение! Шевелю пальцами в ответ.

Девушка вблизи оказывается симпатичной, но мой наметанный глаз сразу вычисляет все изменения ее лица и фигуры. Пластика носа, груди, сужение талии, контурная обработка лица филерами, татуаж бровей и век, гель в губах и прекрасные волосы от лучшего московского стилиста – более искусственной красоты я ещё не встречал.

– Прив-е-е-е-т, – тянет она и подставляет губы для поцелуя.

Обойдётся.

Чмокаю ее в щеку.

– Тебя случайно не Барби зовут? – в вопрос вкладываю весь накопившийся яд.

– Ой, да! – хлопает ресницами она, не замечая издевки. – А как ты догадался?

– Ненавижу это имя. Ты свободна!

– Нет, что ты! – пугается вдруг красавица. Ее лицо меняется, словно она вот-вот заплачет. – Так меня зовут подружки. По паспорту я Лариса, – она протягивает руку, сверкая длинными ногтями, украшенными стразами, тыльной стороной сверху. – Можно просто – Лора.

На меня этот манерный жест действует как красная тряпка на быка. Никогда руки бабам не целовал и не буду! И на Кукле такой не женюсь! Ни за что! Ну, батя! Ну, удружил! Выбрал мне будущую жену по своему вкусу.

– Не хочешь носик попудрить? – внаглую выпроваживаю девицу в туалет.

– Ой, косметика поплыла? Я сейчас.

Девушка суёт мне сумочку (тоже известный приёмчик: так есть некая гарантия, что не брошу ее одну) и спешит к выходу из зала. Я подхожу к окну. Куда же убежала официантка? Вещей при ней не было, значит, должна вернуться за ними. Звоню отцу.

– Санька, видел Ларису? – чуть не глохну от вопля драгоценного предка. – Хороша, да?

– Батя, ты издеваешься? – шиплю в трубку и вглядываю-

юсь в кусты: мне кажется, или за ними кто-то есть? – Лариса-крыса выглядит как раз так, как я больше всего ненавижу: пепельная блондинка с пухлыми губами, острым носиком и сиськами пятого размера.

– Неужели пятого? – охает папаша. – Спроси, в какой клинике делала. Я туда Нику отправлю.

Совсем родитель спятил на почве половой горячки.

– Забирай эту себе.

– Так, сын! – в голосе появляются сварливые нотки. – Хочешь проблем? Устрою.

– Проехали.

Отключаюсь. Как-нибудь вечер выдержу. А может, и ночь. Должна же быть у меня награда за терпение. В конце концов эти куклы в темноте не отличаются от остальных баб, если их специально не ощупывать.

– Котик, сразу предупреждаю, – оглядываюсь на Ларису, которая уже стоит рядом, а вместе со мной ее оценивают похотливыми глазами и другие гости ресторана. – Я веганка.

«А чтоб тебе всю жизнь жрать одну траву, корова луговая!» – чуть не брякаю в сердцах я, поэтому без предисловия хватаю матрешку за задницу.

– А тут тоже объёма добавила?

Она игриво хлопает длинными ресницами, закатывает глаза и хихикает:

– А как ты догадался, котик?

– Наощупь.

– Правда? Доктор говорил, что невозможно будет отличить от настоящей попы.

– Много твой доктор знает! У меня глаз намётан, и пальцы чувствительные.

– О-о-о, даже так!

Ее рот округляется и становится похож на резиновое кольцо. Ну, такое... в магазинах для взрослых продается... Меня даже передергивает от отвращения. Хотя... моему братишке должно понравиться.

Прислушиваюсь к ощущениям? Ни хрена! Официантка волосами качнула и уже завела, а на эту ни одна жилка не дрогнула.

И на такой матрешке я должен жениться? Б-р-р-р!

Разливаю шампанское по бокалам, свой выпиваю залпом, а сам поглядываю на выход из зала. Неужели официантка ушла насовсем? Так быстро смирилась с судьбой? Не верю, чтобы она сдалась без борьбы. А казалась стропливой штучкой.

– Котик, я хочу вот это блюдо, – острый ноготь упирается в картинку, на которой изображено что-то черно-зелёное. – И это тоже хочу.

– Боже, как можно есть такую гадость? – буркаю под нос.

– Ты что! Это же салат с белыми трюфелями и фалафель с соусом из шпината. Попробуешь, узнаешь, как это вкусно.

Смотрю на матрешку с сомнением, но поднимаю руку. Девушка в униформе кивает мне, исчезает за дверью и... про-

падает.

С нетерпением поглядываю на вход в зал: вдруг увижу скандальную официантку. И тут понимаю, что не помню ее лица. В памяти остались фрагменты: заячья улыбка с торчащими зубами, пылающий чёрный взгляд, красивая спина и... волосы.

В чиносах опять засвербело. Дергаю ногой, успокаивая братишку. Дьявол! Дались мне эти волосы! Никогда не думал, что они мой фетиш. Так и представляю, как пропускаю шелковые пряди сквозь пальцы.

Ещё и чертов администратор не идёт! Что с этим рестораном не так? Обслуга вконец распоясалась.

Выпиваю ещё бокал шампанского и засовываю всю пятерню в голову Ларисы, надо же чем-то успокаиваться. Но нарисованного воображением скольжения не получается. Кожа постоянно цепляется за какие-то шероховатости.

– Котик, осторожно, – хихикает Лора. – Мне приятно, но все же. Не хочется остаться без волос.

Выдергиваю пальцы, вытираю влажным полотенцем, которое приносят клиентам. Куда пропал администратор. Вытаскиваю телефон. Одного увольнения было мало? Устроим полную ротацию кадров.

– Алекс, какие планы у тебя на вечер?

Лариса игриво гладит меня по колену. Кажется, Кукла приняла бунт моего братишки на свой адрес.

– Домой и спать, – кладу ладонь на ее спину.

– Ох, проказник! – хихикает она и оборачивается. – А что там за шум?

Я смотрю в сторону звуков: моя официантка стоит у входа в зал. Сердце яростно начинает колотиться о рёбра.

Не ушла все-таки.

Глава 5

Выскочив на крыльцо после ссоры с мажором, я бесцельно бегу по дорожке сада.

Наш ресторан с необычным названием «Городские джунгли» находится в тенистом переулке и примыкает к пятизвездочному отелю. Вверх на много этажей рвутся глянцевые стены, отделанные синим стеклом, а первый этаж украшен зеленью.

Она повсюду: в кадках, горшках и вазах. Тянется вверх, оплетает металлические решетки, свисает с карнизов и поддержек. Этакий уголок живой природы, созданный руками человека. Даже трудно поверить, что совсем рядом возвышаются небоскребы и живет круглосуточной суетой шумная столица.

Вылетаю на проспект. Мимо несутся машины, спешат по своим делам пешеходы, и я замираю. Куда бегу? Зачем? Вещи остались в шкафчике. В кармане ни телефона, ни денег – пусто. Холодный осенний ветер проникает под свободный свитер, и я начинаю дрожать.

Возвращаюсь в садик, падаю на скамейку и какое-то время сижу бездумно, обнимая себя за плечи. С этого места я вижу крыльцо ресторана и автомобильную стоянку, зато сама совершенно не заметна. Густые ветки вечнозеленого тиса создают естественную живую изгородь.

Сколько времени прихожу с собой, не знаю, но в виски стучится первая мысль: «Боже! Что я, дура, наделала?»

Вздрагиваю от звука клаксона и раздвигаю ветки: на стоянке шумно паркуется роскошное ярко-желтое авто с открытым верхом.

«Везёт же некоторым! – полыхает во мне зависть – Кто-то родился с золотой ложкой во рту».

Из машины выбирается девушка в кожаной юбке. Ее пепельные волосы развеваются на ветру и сливаются цветом с короткой шубкой автоледи. Красавица, несмотря на высокие каблуки, легко взлетает по ступенькам крыльца, но замирает и радостно машет кому-то рукой.

Встаю, чтобы увидеть этого счастливца. У окна стоит хамоватый мажор. Он прижимает к уху телефон, и мне кажется, что смотрит прямо на те кусты, за которыми я прячусь.

И весь накопленный за смену шлак поднимается во мне жгучей обидой. Из-за этого говнюка я опять окажусь в долгой яме? Да ни за что!

Зависть мгновенно улетучивается, а ее место занимает злость и осознание содеянного. Что я сделала этому парню? Чем не угодила?

А главное, как объяснить теперь маме, почему я потеряла работу?

О боже! Как представлю, что с ней будет...

Нет, лучше об этом не думать. Совсем!

Иначе...

Дерьмо собачье! Уже год я барахтаюсь в жизненной яме, а кто-то разъезжает на Порше. Почему одним все, а другим ничего? Чем отличается эта платиновая красавица от меня? Почему я вынуждена терпеть унижение от ее кавалера?

Нет! Так дело не пойдёт! Я им покажу!

Вылетаю из кустов и несусь прямой наводкой к ресторану. Вбегаю в холл, администратор видит меня, тут же преграждает мне дорогу и машет охранникам.

– Кристина, не дури! Ничего не изменишь! И вообще, чего сорвалась? Ты же знаешь звездную породу небожителей. Особенно этот. Ему на нас насрать с большой колокольни.

– Феликс Леонидович, пропусти! – иду на него грудью.

– Успокойся ты! Скандалом ничего не добьешься, больше сама пострадаешь.

– А мне плевать, – голос дрожит, чуть не срывается на крик.

– Девочка, смирись. Или попробуй уговорить клиента забрать заявление. Смотри, сейчас он в отличном настроении, глядишь и смилостивится.

– Я так не могу, Феликс Леонидович.

– А ты попробуй. Иногда приходится засунуть собственное «я» в задницу и склонить голову. Иди, – он подталкивает меня в спину. – Сделай смиренное лицо, убери огонь из глаз.

В холл выскакивает Надя. Она слышит последние слова администратора, согласно трясёт головой и тащит меня в сторону туалетов.

– Кристя, не валяй дурака, – скороговоркой торопится Надя. – Вспомни о матери. Как скажешь ей, что больше не работаешь?

– Не скажу. Какое-то время смогу продержаться.

– А твои мечты? Неужели ещё на год отложишь?

Я вздыхаю и невольно поддаюсь общему давлению, потому что в душе испытываю ужас перед мамой, которая совершенно не переносит плохие новости.

Она молча выслушает информацию и уйдет в комнату. Заберется с ногами на широкий подоконник, положит голову на колени и будет смотреть вниз с высоты пятого этажа, словно ее земля магнитом манит. Просто смотреть. Ни разу она не попыталась открыть окно, свеситься, или еще что-то сделать, но я все равно умираю от страха, когда оставляю ее одну.

Но и это еще не все.

Рядом с мамой пристроится Киллер, или Кил, наш тойтерьер, прозванный так за сволочной нрав. Он завоюет на весь дом и сделает это с несказанным удовольствием. Будет выть с переливами, повизгиванием и всхлипами. Его собачья минута славы.

Соседи переполошатся, решат, что где-то покойник. Сначала придут к нашей двери и станут звонить в нее. Кил встретит их тоскливым лаем, больше похожим на плач несчастного существа.

Перепуганные люди начнут стучаться. Но мама и ухом не

поведет. Следующий этап закономерен: жильцы вызовут полицию и слесаря с инструментами, а увидев маму, устроят громкий скандал. Радостный Кил обязательно кого-нибудь цапнет за брюки или за ногу, что первое попадетсЯ, и ни за что не расцепит челюсти, так и будет болтаться, рычать и вращать черными глазенками.

А разбираться с этим беспределом придется мне.

Трясу головой, представив этот кошмар. Нет, нельзя допустить такого!

Умываю лицо, волосы скручиваю в тугой жгут так сильно, что натягиваю кожу у корней.

– Возьми мой блеск для губ, – подаёт помаду Надя. – Бледная, как смерть.

– Н-ничего, так сойдёт. Пошли.

По залу иду одна, опустив голову. Администратор и старшая смены останавливаются у входа. Я сама должна исправить ситуацию. Сама. Издалека слышу, как заливается смехом пепельная блондинка. Мажор ей не отвечает, занят другим. Его рука гладит спину девушки, опускается на попу, слегка сжимает упругую ягодицу и тянется к шее.

Волна злости опять поднимается изнутри. Вот козлиная морда! Не зря говорят, что похотливые руки не знают скуки. Уже раскрываю рот, чтобы выпалить что-нибудь резкое и гадкое, но тут девушка оборачивается и видит меня.

– Наконец-то хоть кто-то появился, – хихикает она, играя глазами, и вдруг вскрикивает: – Алекс, прекрати! Не хули-

гань! На нас смотрят.

– Правда? – мажор выглядывает из-за спины девушки. Его синие глаза словно подернуты дымкой, ноздри красивого носа раздуваются от возбуждения. – А, эта...

«Совсем совесть потерял, мерзавец! – киплю изнутри. – Забыл, где находишься?»

Глубоко вздыхаю, подавляя раздражение, и умоляющим голосом прошу:

– Господин, извините меня, если вас чем-нибудь обидела.

– Ты кто?

Сглатываю. Неужели я настолько неприметна, что даже с третьего раза этот говнюк не может запомнить мое лицо? Или он надо мной издевается? Подавляю в душе протест.

– Я официантка. Приносила вам заказ. Кружка упала, кофе обрызгал вам брюки.

В волнении прячу руки за спину и сплетаю пальцы: боюсь, что случайно заеду этому хамлу по холёной физиономии.

– А-а-а, так это ты моего котёнка обидела? – приподнимается девушка. – То-то он такой злой был. Не прощай ее, Алекс!

– Сядь, – мажор дергает подругу за платье, – и захлопнись! Сам разберусь.

Девушка обиженно надувает губы. Вообще ее лицо выглядит настолько знакомо, что я уже несколько минут пытаюсь понять, где ее раньше видела.

Зато клиент вдруг устраивает мне тщательный осмотр.

Его взгляд скользит по моему телу, и я заливаюсь краской от смущения. Только сейчас соображаю, что защитной униформы на мне нет, а значит хорошо видны все достоинства фигуры. И хотя я в простых джинсах и свитере плюс-сайз, природные формы невозможно спрятать.

Быстро складываю руки на животе и опускаю плечи. В такой позе грудь теряется в складках одежды.

– Простите меня, – бормочу униженно.

– Ну, прощаю, – наконец улыбается в тридцать два зуба мажор. – И что дальше?

– Заберите заявление с жалобой у босса, пожалуйста.

– Алекс, ты хочешь простить эту грубиянку? – капризно надувает накачанные губы девушка. – Такие, как эта, должны знать своё место!

– А мы ей устроим проверку, – усмехается клиент. – Хочешь?

– Да-да! – хлопает в ладоши, как маленькая девочка, влюблённая блондинка.

Я чувствую, как по спине бежит холодок, и мысленно молюсь: «Господи, помоги мне не сорваться! Господи! Помоги!»

Глава 6

Дальнейшее вижу, как в замедленной съемке. Вот мажор поднимает руку, призывая администратора. Феликс Леонидович скользит по паркету своей фирменной походкой потомственного лакея, а мне кажется, что он идёт по воде, как Иисус Христос. Администратор приближается столику и почтительно склоняет голову. М-е-е-е-дленно так.

– Слушаю вас, Александр Борисович.

Его слова порывом ветра врезаются в сознание. «Феликс знает мажора? – открытие шокирует, появляется чувство, будто меня предали или подставили. – И ничего не сказал».

– Как там тебя..., – клиент щелкает пальцами.

– Феликс Леонидович, вам можно просто – Феликс.

– Хм, Феликс, ха-ха-ха, скажи директору, ха-ха-ха, – смех буквально распирает убудка, – пусть выкинет мою жалобу.

– Спасибо, спасибо, Александр Борисович. Кристина немного погорячилась. Бывает такое с молодыми да неопытными леди.

Чувствую толчок в спину и тоже бормочу благодарности.

– Хотя... нет, – вдруг меняет своё решение мажор.

«Он за кого меня принимает? За идиотку? – поднимается в душе волна ненависти. – Решил на короткий поводок посадить?»

– Что-то не так? – пугается администратор.

Я вижу его быстрый взгляд в мою сторону. Он явно не понимает, за что к моей незначительной персоне такое внимание.

– Хочу посмотреть на поведение... этой... Кристины, кажется. Пусть директор сохранит заявление в сейфе, вдру ещё понадобится.

«Ах, ты сволочь! Ах, ты мерзавец!» – не могу прийти в себя от такой наглости и сжимаю кулаки.

– Так ей и надо! Иди к своей лапуле, котенок, – блондинка тянется к кавалеру пухлыми губами, тот недовольно морщится и отворачивает ее лицо рукой.

– Как скажете! Как скажете, – кланяется Феликс.

Я стою, превратившись в монумент, и едва сдерживаюсь, чтобы не опрокинуть бутылку с остатками вина на головы этих мерзких богатеньких буратинок.

– А ты, – синий взгляд нахала устремляется на меня, вернее, он выпускает целый град острых стрел. – принеси нам то блюдо, что хочет моя невеста. И смотри, долго ждать я не намерен.

Ещё не веря в своё спасение, кипя от негодования, поворачиваюсь и медленно иду к раздевалкам. Только скрывшись из глаз, перехожу на бег. Мгновенно переодеваюсь в сменную униформу и несусь в кухню. Все сотрудники поднимают головы, когда влетаю в маятниковые двери, и дружными аплодисментами встречают меня.

Слёзы выступают на глазах. Эти люди стали моей семьей,

моей наградой за долгие дни мучений, моими родителями, в конце концов. Они учат меня профессиональным приемам, помогают, дают советы по жизни.

Всхлипываю, из груди рвутся рыдания.

– Ну-ну, девочка, не плачь! – обнимает меня шеф-повар и прижимает к большому животу. – Не плачь.

– Кристина, ты с нами! Ура! – бросается ко мне Надежда и обхватывает со спины.

– Спасибо вам... спасибо...

– Все, забыли! – хлопает в пухлые ладоши шеф-повар, Михаил Иванович, или дядя Миша, как называют его сотрудники. – За работу! Кристина, блюдо уже готово. Неси в зал! И... удачи там!

В этот вечер я обслуживаю только скандального клиента и его пассию. Наверное, если бы знала, чем обернётся для меня знакомство с мажором, ни за что не подошла бы с извинениями. Но, увы, мы не в состоянии управлять своей жизнью даже на пять минут вперед, проведение все решает за нас.

И первое же блюдо ставит меня в тупик. Я хватаю поднос с чем-то бело-розовым, принимаю независимый вид и плыву по залу. Аккуратно опуская тарелку перед блондинкой, разворачиваюсь, чтобы уйти, как тоненький визг буквально прибывает меня к месту.

Этот крик поднимает на ноги посетителей соседних столиков. Люди вскакивают, не понимая, где опасность. А блондинка сидит с красным лицом и захлебывается на одной но-

те:

– Это что? – наконец выплевывает слова спутница мажора. – Ты издеваешься? А-а-а! Унеси эту мерзость!

Опускаю глаза и холодею: точно чёрный день! На тарелке сидит кукла Барби, а ее пышное платье и рукава сделаны из полупрозрачных слайсов сыровяленой грудинки.

Мажор вдруг хрюкает первым смешком, а потом начинает хохотать. Его просто выворачивает от смеха. Он держится за живот, вилокй тычет в пластинки мяса и ничего не может сказать, а на глазах выступают слёзы.

– А ч-что случилось? – заикаюсь я, не понимая проблему: такое оформление мясной тарелки любят заказывать в ресторане клиенты особого сорта.

– Она, – палец мажора упирается в бок подруге, – она Барби. Но она веганка.

Смешки несутся с соседних столиков, посетители принимают мою ошибку за шутку. Я тоже неуверенно улыбаюсь. Действительно, получилось смешно.

– Алекс, как ты можешь? – пищит блондинка. – Она же специально это сделала. Назло нам.!

Она толкает тарелку, но я настороже, подхватываю ее, не дав мясу рассыпаться по полу.

– Простите, ошиблась. Сейчас принесу другое.

Сзади подлетает Надя. Она выхватывает у меня Барби и ставит перед гостьей другое блюдо.

– Кристя, ты что творишь? – шипит на меня.

– Простите, – бормочу извинения. – Я случайно перепутала.

– А ты, мать, юмористка, – мажор вытирает слёзы, – повеселила. Принеси-ка мне блюдо от шеф-повара. Что там у вас?

Я холодею. У нас сегодня японское меню, и дядя Миша постарался. Но блюдо на любителя. А если и оно не понравится?

– Красный дракон из суши, – тихо отвечаю я. – С острым соусом.

– Котик, ты хочешь есть дракона? – вскрикивает блондинка. – Пойдём отсюда! Что обслуживание, что еда, все просто ф-у-у-у!

– Зачем вы так? – не выдерживаю я. – Шеф-повар у нас – настоящий профи.

– Ладно, Лора, не горячись, – мажор подмигивает мне. Странно, в хорошем настроении он вполне ничего, человеком кажется. – Ты попробуй сначала свою э-э-э...

– Салат с белыми трюфелями, – подсказываю ему и ухожу.

В кухне прислоняюсь к стене и вытираю пот со лба. Боже, как мне дожить до конца смены? Как дожить?

– И как новый клиент, Крис? Весёлый парень, – тормозит возле меня напарница Наташка.

Она обслуживает нечетные столики, но сегодня на нее взвалили и мою работу, поэтому злится. А в прокуренном голосе столько издевки, что едва сдерживаюсь, чтобы не

двинуть кулаком в бок. Это мой ресторанный враг номер один. Внешне самое обаяние, а душа чёрная от зависти. Она невзлюбила меня сразу только потому, что остальные приняли хорошо.

– Обычный мажор, – пожимаю плечами. – Придется прислуживать. Выбора все равно нет.

– Ну, ты у нас гордая, угождать не умеешь. Остальным за нашу королеву кланяться приходится.

Наташка задевает меня плечом и ныряет в маятниковые двери. «Вот змея! – киплю в душе, пока жду своего дракона. – Пусть отсохнет твой злобный язык».

– Соус класть? – дядя Миша ждёт ответа.

– Обязательно, да ещё и поострее, и размажь его кровавым пятном по тарелке, пусть мажор подавится!

– Ты хочешь, чтобы и меня уволили?

– Нет, конечно. Это я от злости.

Ставлю тарелку с блюдом на поднос, а когда оказываюсь в крохотном коридоре между кухней и залом, оглядываюсь и черчу пальцем на соусе извилистые полосы, хоть какая-то месть мерзкой парочке.

– Котик, как ты можешь это есть, – кривится блондинка, увидев блюдо. – Меня сейчас стошнит!

– А ты не смотри!

– Вдруг эта, – быстрый взгляд из-под ресниц на меня, – в него плюнула.

Вспыхиваю до корней волос: чутьё у этой девицы отмен-

ное, почти угадала. Но клиент берет палочками кусочек суши и протягивает мне. Я отшатываюсь.

– Ешь! – приказывает он.

– Я не ем сырую рыбу, – делаю шаг назад.

– Ешь! – в голосе появляется угроза, он встает. – Иначе этот дракон будет у тебя на голове вместе с экзотическим соусом, похожем на следы крови.

В душе рождается паника. Его глаза на миг становятся кусками льда, вот-вот заморозят мою душу. Я забираю из рук мажора палочки и кладу суши в рот. Соус жаром опалает небо, но нахожу в себе силы спросить?

– Довольны? Что ваше величество еще изволит заказать?

Говорю, а рот горит огнем, но изо всех сил креплюсь, чтобы не выдать свое состояние.

– Мое величество хочет на блюде тебя с веточкой укропа в зубах, – кривится в усмешке красивый рот.

– Обломись, – шепчу я одними губами и бегу в кухню.

Воды, срочно воды!

Глава 7

Только в кухне могу перевести дух. Ну, и славный вечерок намечается!

– Что, не по нравилась барская еда? – ухмыляется Наташка, опять пробегая мимо. – Это тебе наказание.

– Да... пошла ты!

Сжимаю кулаки и иду на таран. Еще эта гнида будет мне на мозги капать! Мало мне своих проблем!

– Э! Э, красотки! – нас расталкивает массивный живот, обтянутый темно-бордовым фартуком. – На моей кухне – без драк! Иначе выставлю во двор остужаться. Там как раз дождь идет.

– Держи эту малолетку, дядя Миша. Зашибу! – огрызается Наташка. – Она места своего не знает.

Напарница исчезает за дверями, а я даже дышать не могу, так сжимается горло от злости.

– Кристя, приди в себя! Твой клиент опять зовет, – спасает ситуацию Надя.

Вот так весь вечер и мотаюсь челноком. Приношу то одно, то другое, подаю зажигалку, наливаю в бокалы вино, забираю пепельницу, полную коричневых окурков от дамских сигарет. И все делаю под пристальными взглядами мажора.

А в голове все крутятся слова администратора. Почему он назвал гостя по имени-отчеству? Они знакомы?

Выполняя очередной приказ, ловлю Феликса за рукав, хотя он явно пытается от меня спрятаться.

– Феликс Леонидович, вы назвали этого клиента по имени-отчеству. Кто это? Вы его знаете?

– Ну... да, – мямлит администратор и поглядывает на Надежду, но та делает вид, что не замечает его мысленных посылов. – Постоянный клиент.

– А почему я его раньше не видела?

– Жил за границей.

– Вот как? Значит, вы с ним давно знакомы?

– Кристина, он опять тебя зовёт, – пытается избавиться от меня администратор.

Оглядываюсь, но парочка занята друг другом, слушают песню, которую исполняет наша певица, и покачиваются в такт мелодии.

– Феликс Леонидович, я не отстану!

– Зачем тебе знать? Он скоро опять исчезнет.

– А если нет? Говорите!

– Это сын нашего хозяина. Так сказать, наследный принц.

– Кого? – икаю от удивления, сегодня вечер шоковых открытий. – А разве у хозяина есть сын?

Никогда не слышала, чтобы у Бориса Громова, владельца сети ресторанов, разбросанных по всей стране и за рубежом, был наследник.

– Того, – вздыхает администратор. – Парень проблемный, меняет подруг, как перчатки. Сколько девушек из-за него

слёзы льют, не перечесть. Был тут один скандал, вот отец и отправил сыночка за рубеж, чтобы с глаз долой, пока не об-разумится.

– Как же таких, как этот мажор, только могила исправит, – хмыкаю я и вижу поднятую руку. – Опять зовёт.

– Кристя, ты там, осторожнее с ним, беспокойно как-то на душе.

– Все будет окей! – показываю большой палец. – Как раньше говорили, предупреждён, значит вооружён.

Ничего подобного! Мажор все равно застает меня врас-плох.

Вечер плавно переходит в ночь. Блондинка все больше пьянеет, мажор – наглеет. Теперь его руки свободно бродят по податливому телу подруги, забираются то в декольте, то под юбку. Девушка хохочет от восторга и пытается играть также, но парень бьет ее по длинным пальцам, а сам не сводит глаз с меня, когда я приближаюсь к столу.

Мне бесит такое поведение мажора, возомнил себя богом, мерзавец! Но приходится терпеть. Молча сношу его пристальные взгляды, якобы случайные касания пальцами моих рук, талии, бедра. Даю себе зарок: выдержать испытание до конца во что бы то ни стало.

И все-таки этот урод меня достал.

– Отнеси ему счет, – советует Надя, – и положи молча на стол. Его подружка едва на ногах держится, да и он тоже здорово подшофе.

Совет разумный.

За десять минут до конца смены, выполнив основную работу, иду в зал. Ноги дрожат от усталости, а голова болит от постоянного напряжения. Посетители почти разошлись: ресторан работает до часу ночи. Втайне надеюсь, что и этот папенькин сыночек скоро свалит. Должен же он подругу домой доставить или в клуб.

Поднятую руку вижу издалека. Мажор сидит за столом один без спутницы. Куда исчезла та, я не заметила. Радость пышным цветом вспыхивает в душе: наконец-то эта смена заканчивается. Прибавляю шаг.

– Ваш счет.

Кладу на стол темно-бордовую папку для счета из натуральной кожи. На ней золотая гравировка «Городские джунгли» увита зелеными лианами.

– Г-господин, – говорит мажор и поднимает тяжелые веки.

– Что?

– Повтори: «Господин».

Делаю шаг назад, но мажор проворно вскакивает и мгновенно оказывается рядом. Черт! Да он совсем не пьян! Неужели притворялся?

– Кофе принеси!

– Вам эспрессо или латте?

Спрашиваю, а сама глазами ищу выход. Сердце колотится где-то в горле, от напряжения кружится голова.

– Матрёшка, не зли меня!

Он так близко, что волосы на руках встают дыбом, а по телу бегут мурашки. Испуганно оглядываюсь: за стойкой регистратора пусто. Этот гад наступает, я пячусь и натыкаюсь спиной на колонну – дальше хода нет.

– Не приближайся ко мне! – шиплю тихо, но вкладываю в голос всю ярость.

– Господин... – он нависает надо мной, взгляд хищника парализует, сводит с ума. – Я научу тебя послушанию, крошка. Повторяй!

– Не буду, – от бессилия губы дрожат.

– И так не будешь? – мажор вдруг резко наклоняется и захватывает зубами мочку моего уха, а потом языком проводит по шее.

Внутри словно взрывается тысяча электрических разрядов. Острые иголки разносятся током по всему телу. Пытаюсь вырваться, от омерзения хочется заехать мажору между ног, но тут ловлю взглядом вбежавшую в зал Надю. Старшая смены отчаянно трясет головой, и я усилием воли подавляю в себе бешенство.

– Вам эспрессо или латте? Господин...

– Вот теперь умница. Иди, крошка. Жду.

Барская ладонь снисходительно треплет меня по щеке, но я отдергиваю голову и больно стучаюсь затылком о колонну. Слезы выступают на глазах. Подныриваю под руку мажора и бегу в кухню. Только здесь даю волю эмоциям. Бросаюсь к мойке и тру, тру мочалкой шею и ухо.

– Кристина, что случилось? – высказывает из своего кабинета дядя Миша.

– Я его убью! – шиплю, стиснув зубы. – дайте мне что-нибудь! Я его убью!

Дядя Миша и су-повар Алексей бросаются ко мне и не дают разгуляться. Они вырывают из рук нож, который я успеваю схватить, потом тарелку, сковородку, поварешку. Та выскальзывает из онемевших пальцев и с грохотом валится на пол. Этот звук бьет по ушам, и на мгновение наступает тишина.

– Прекрати истерику! – рядом оказывается Надя. – Если хочешь работать в ресторане, привыкай к любым ситуациям.

– Но он... он... вот сюда и сюда, – тычу пальцами в мочку и шею, – языком... и зубами...

– Ой, подумаешь, пьяный мужик облизал! – ехидничает Наташка. – Велика забота!

– А-а-а... Лучше уйди! Я за себя не отвечаю!

– Кристина, кофе готов, – в дверь заглядывает бармен.

– Не пойду!

– А кто за тебя пойдет? Я, что ли? – Наташка сует мне под нос кукиш. – И так все твои столы обслуживаю сегодня.

– Злая ты баба, Наталья! – упрекает ее дядя Миша. – Нет в тебе жалости.

– Ой-ой-ой! Паду-у-у-маешь, неженка какая!

Напарница фыркает и исчезает за дверью. Неожиданно эта перепалка помогает мне прийти в себя. И правда, чего

задергалась? С пьяными мужиками справлялась, а тут всего лишь мажор. Молча беру поднос с кофе и направляюсь к столу.

– Ваш латте, господин.

Вкладываю в это слово весь елей, который нашелся в закромах тела.

– Какой кофе, котенок? – ноет его подруга. – Я домой хочу... с тобой... Ты уложишь свою куколку в кроватку?

– Сейчас блевану, – бормочу себе под нос.

– Ты что-то сказала? – услышал все же мажор.

– Приятной вам ночи, господин, – кланяюсь ему. – Могу я забрать счет, господин?

– Бери, – он толкает ко мне папку.

– Спасибо, господин. Вам такси вызвать, господин?

– Ты чего, матрешка, заладила? – синие глаза наливаются кровью, как у племенного быка-осеменителя при виде коровы.

– Все по правилам этикета, господин.

Хватаю бордовую папку и несусь вон из зала, а сердце выстукивает ритм: «Я про-у-чи-ла ма-жора! Я про-у-чи-ла ма-жора!»

И миг счастья такой сладостный, что я не думаю о последствиях.

Зато они ждут меня у порога...

Глава 8

Как же бесит эта официантка! До скрежета зубовного бесит, до умопомрачения!

Не реагирует ни на слова, ни на прикосновения, как будто полностью отключила чувства и эмоции, поэтому ещё больше хочется задеть ее чем-нибудь, вывести из каменного состояния.

Только когда заставил ее съесть суши с острым соусом, немного скривилась и сразу сбежала. Я видел издалека, как она пьет воду, и в душе злорадствовал: «Так тебе и надо! Это тебе за высокомерие и заносчивость!»

Но, попробовав дракона из суши, пожалел и себя. Шеф-повар постарался: перца чили было в соусе столько, что хватило бы на роту чилийцев. И все равно пришлось признать, что вкус суши из-за этого не пострадал, наоборот, оказался невероятно изысканным. Такое блюдо я не пробовал даже в Японии.

Лариса болтает без умолку. А для меня ее голос звучит фоном, словно где-то телевизор включённый работает и бормочет что-то невнятное. Иногда вслушиваюсь в ее слова и опаньки! прозреваю. Оказывается, батя близко знаком с ее родителями, да и живет она через два дома от нас. Как получилось, что я ее не знаю?

– Вы недавно переехали в наш поселок? – спрашиваю

осторожно и на всякий случай убираю руку: слишком уютно она устроилась на искусственной заднице.

– Ты что, Алекс! Совсем не помнишь меня? – хихикает Лора. – Мы в параллельных классах учились. На физкультуре с тобой рядом баскетбольные приемы отработывали.

– Ты? Приемы? Зашибись!

Час от часу не легче! Что-то горло хочется промочить. Залпом допиваю бокал, но алкоголь на меня сегодня действует слабо, я запутался в бабах, как в двух соснах. Одно дело послать лесом да полем незнакомку, и совсем другое – дочку соседей по посёлку. Старой истории мне хватило за глаза, больше не надо.

Год назад назло папаше начал встречаться с дочкой его партнёра по бизнесу. Шуры-муры, трали-вали, покувыркались чуток, а потом – получи мажор гранату: девчонка влюбилась, как кошка, и решила схватить меня за... жабры двумя полосками на тесте.

Даже сейчас зябко становится, как вспоминаю тот момент. Смотрел на красные черточки, а в голове рождался взрыв сверхновой.

Ну, и рванула она в самый неподходящий момент: при встрече с родителями. Те уже обговаривать начали условия передачи своей доченьки мне на руки, а я заявил, что ребёнок не от меня.

Что тут началось! Подруга устроила настоящее представление. Она рыдала, билась в истерике, бросалась с кулаками

на меня, топала ногами. Потом выхватила из аптечки таблетки, чтобы у всех на глазах доказать, что без меня ей свет не мил.

Лекарства отобрали, кстати, это были витамины, но предки переполошились. Партнёр налетел на бату, а тот – на меня. Билет купил и выпроводил из страны, чтобы я глаза не мозолил.

А зря. Я в финале концерта совестью проникся и захотел жениться, и только позже узнал, что беременность – тоже запланированный спектакль влюбчивой матрешки.

Вот и сейчас вглядываюсь в черты прекрасного лица Ларисы, но не вижу знакомых. Напрягаю память, и не могу вспомнить ее, хоть тресни. А наверняка встречались на школьных праздниках, соревнованиях, совместных лекциях.

Это надо же так перекроить себя, чтобы от природы ни грамма не осталось! Тут же перед глазами появляется статья желтой прессы. В Китае миллионер подал в суд на жену-модель за обман. Его трое детей родились очень некрасивыми. А когда он стал искать причину, выяснилось, что женушка полностью переделала свою внешность, чтобы подцепить богача.

Конечно, мужик сам лоханулся: мог бы и догадаться, но я в такое дерьмо наступить не хочу.

– Куколка, а как ты относишься к детям? – спрашиваю Ларису.

Она возит вилкой по пустой тарелке и пытается засунуть

в рот добытые капли соуса. А те словно издеваются: капают обратно на тарелку, не хотят быть съеденными искусственным ртом.

– Дети – цветы жизни.

Сердце ухает в пятки. Только не это! Жениться на Кукле и годик потерпеть я согласен, но заводить наследников с этой... нет уж, увольте!

– А по мне пусть они цветут на чужом огороде.

– Согласна! – мотает головой Лариса. – Я чайлдфри. Киндер-сюрпризы... Б-е-е-е...

Уф! Пронесло!

В ее словах даже слышу лазейку, за которую в случае чего могу ухватиться при разводе. Эх, надо было записать!

– Тогда зачем согласилась на свидание со мной?

– Родители настояли. У них с твоим отцом общие планы по слиянию компаний.

– Вот блин!

Лазейка мгновенно захлопнулась. Дьявол! Никому наследники не нужны. Огромный сливной конгломерат станет с обеих сторон любимым детищем. Мы с Лорой – разменные монеты наших предков, будь они неладны! Никогда не понимал этого стремления – завести детей, чтобы потом извлечь из них выгоду.

Откидываю взглядом ресторан, гостей становится все меньше. Пора и нам уходить. Где эта чертова официантка? Она словно слышит мои слова, тут же показывается у входа

В зал.

– Котик, я хочу домой, – капризничает Лариса.

– Иди, собирайся, – не отвожу глаз от Кристины, которая словно плывет над полом.

– Куда?

– В туалет.

– Зачем?

– Слушай, зачем бабы в туалет ходят? – не выдерживаю нытья.

– А-а-а... губы подкрасить? Я сейчас.

Ничего не соображающая Лариса встает и, качаясь на каблуках, идёт к выходу. Девушки проходят мимо друг друга, и я опять поражаюсь разнице в их внешности и поведении. Кристина бесит, но чертовски волнует, а пьяная Лариса вызывает жалость.

И я срываюсь. Непременно надо поставить официантку на место! Да кто она такая? Почему ведёт себя так, будто это я у неё на посылках, а не наоборот? Какая-то детская обида поднимается изнутри, и я заставляю Кристину назвать меня господином.

Лучше бы я этого не делал! С той минуты, как я попробовал эту девчонку на вкус, началась ломка. Солоноватый привкус ее кожи до сих пор стоит во рту. Хочу ещё! Все естество дрожит, так хочу! Думать ни о чем не могу.

Но Кристина больше не показывается, а Лариса ноет и просится домой. До печёнок достала, матрешка.

– Ладно, поехали!

Хватаю ее за локоть и выдергиваю из-за стола. Но она едва держится на ногах. В холле усаживаю ее на диван. Надо найти официантку! Эта девчонка будет моей!

– Котик, ты куда? – встряхивается Лариса.

– Отдохни, я сейчас.

Издали вижу Феликса и перехватываю его у входа в кухню.

– Александр Борисович, вы что-то хотите? – спрашивает он, а глаза бегают по сторонам.

– Где мне найти Кристину?

– Зачем?

– Феликс, это мое дело!

– Но...

– Можешь организовать мне ее на ночь? Хорошо заплачу.

– Но... так нельзя, – бормочет администратор. – Оставьте девочку в покое.

– Феликс, я жду!

– Сотрудники уже расходятся по домам, – не даёт информацию упрямый мужик. Почему он так защищает девчонку? Не боится работу потерять? Или тоже запал на неё? Старый пердун! Скрежещу зубами от злости, несусь в сторону кухни, и тут в голове щёлкает: служебный вход. Он же должен быть в ресторане.

Разворачиваюсь.

– Где служебный вход? – на ходу кричу уборщице.

– Там, – она машет рукой.

Я выскакиваю на улицу, оглядываюсь – пусто. И тут слышу голоса. Ныряю в тень у стены. Сам хорошо вижу освещённое фонарем крыльцо, но меня не замечает никто. Один за другим появляются сотрудники. Они тихо разговаривают, смеются и идут к автобусу, который стоит недалеко.

Кристина появляется в числе последних. Она останавливается на верхней ступеньке и подставляет лицо мелкому дождю. Сейчас я хорошо могу ее разглядеть. Ни грамма косметики, взгляд тусклый и уставший, кожа кажется полупрозрачной и нежной. Как она хороша! Сжимаю пальцы в кулак, так хочется убрать капли дождя с нежных щёк.

Вот она проводит языком по губам, они влажно блестят в лучах света, мое тело сходит с ума от желания.

– Кристя, ты идёшь? – окликает ее женский голос.

Я вздрагиваю и напрягаюсь.

– Да.

Официантка сбегает с крыльца, уже проходит мимо, но я дергаю ее к себе и прижимаю к стене.

Глава 9

Эта безумная смена наконец-то заканчивается. В ней всего было слишком много: сволочной клиент, оказавшийся наследником империи, перепалки с Натальей, увольнение и новое возвращение к работе.

Какое счастье, что мне девятнадцать лет и ещё полно сил, чтобы выдержать все испытания. Но судьбе, видимо, и этих было мало, она приготовила мне новый сюрприз.

В раздевалке несколько минут сижу, закрыв глаза, и прихожу в себя. Нельзя возвращаться домой с помятым лицом и поникшей головой. Мама чувствует мое настроение с порога. Одна надежда на позднее время. Надеюсь, она уже поужинала и спит.

Когда я занята, за мамой приглядывает соседка. Она заходит в гости словно невзначай, приносит угощение, разогревает маме еду. Я расплачиваюсь с ней по-своему: иногда деньгами, иногда продуктами, но чаще помогаю вести группы в соцсетях. Тетя Нина – профессиональная швея. Она работает над заказами, а я продвигаю ее бренд в массы. Вот в таком симбиозе и выживаем уже год.

Другие девушки тоже молчат, даже Наташка притихла. Это и понятно: смена выдалась трудной, как всегда, в выходные дни. Хорошо, что ресторанный автобус развозит нас по домам.

Входит Надя с пакетами в руках.

– Девочки, возьмите продукты.

Это ещё один бонус ресторана, кроме чаевых, которых я сегодня не заработала совсем. Не востребованные клиентами заказы складываются в контейнеры и отдаются сотрудникам. Никто не спорит и не ищет лучшие блюда, мы рады и тому, что достанется.

Разбираем пакеты и тащимся к выходу, едва передвигая ноги.

Завтра у меня выходной, наконец-то высплюсь и займусь домашними делами. А ещё у меня наполеоновские планы: мечтаю в следующем году поступить в вуз, пусть не в такой престижный, как планировала, но все же. Результаты ЕГЭ ещё действительны, надеюсь, суммы баллов хватит, чтобы попасть на бюджет. Завтра планирую подать документы на курсы при университете, потому что у вуза есть свои внутренние экзамены.

Только выхожу на крыльцо черного хода, как кто-то хватается меня за руку и тянет в сторону. От неожиданности реагирую как девчонка: вскрикиваю, испуганно оглядываюсь и столбенею...

Сзади стоит мажор и ухмыляется кривым ртом. Он очень высокий, выше меня почти на голову. И сильный. Нависает мощной стеной, закрывает личное пространство так, что не остаётся чистого воздуха, нечем наполнить легкие.

Зато в нос бьет запах алкоголя, смешанный с ароматом

парфюма. Резкий, раздражающий, вызывающий головокружение, тошноту и... какое-то непонятное волнение. Я впервые оказываюсь так близко к взрослому мужчине, и эта близость тревожит не на шутку.

– И куда куколка собралась? – без предисловия спрашивает он и крутит на пальце ключи от машины.

– Простите, это вы мне говорите? – с тоской смотрю на близкий автобус, освещённый огнями, и коллег, уже забравшихся в салон.

– Ну да. Поехали?

– К-куда?

– Ко мне.

Жаром опалает щеки и уши. От такой наглости перехватывает дыхание. Толкаю его что есть силы в твёрдую грудь, но он ловко перехватывает запястья и прижимает руки к стене. Каменная крошка больно впивается в кожу.

– Господин, вы пьяны. Вам вызвать такси? – стараюсь быть предельно вежливой.

– Не хочешь ко мне, давай в отель. Развлечемся, покувыркаемся. Джакузи, шампусик, лабух (скрипач – сленг) наяривает на скрипке..., и мы такие... в до мажоре...

О Боже! О чем он говорит!

– Да, пошёл ты..., – уже не сдерживаю отвращения.

– А ты борзая! – верхняя губа мажора дергается, обнажая белые зубы.

– Если не отпустишь, закричу!

– Попробуй! – короткий смешок почему-то кажется угрозой.

Набираю в легкие воздуха:

– Надя! Помо...

Договорить не удаётся. Мажор вдруг наклоняется и захватывает мой рот губами. От неожиданности реагирую не сразу. Мгновенно отключаются мозги, поэтому инстинкт самосохранения срабатывает быстрее, чем разум. Я сгибаю ногу в колене и резко дергаю вверх.

– Ах, ты... змея!

Мерзавец отталкивает меня, и я несусь к автобусу. Будь, что будет! Но терпеть приставания пьяного мужика не намерена. Яростно вытираю рот. И какой идиот придумал, что поцелуй сладкий? Нет, он противный и слюнявый. А ещё мерзкий язык лезет внутрь, и такое чувство, словно тебя хотят проглотить.

Уже влетая в автобус, слышу голос блондинки.

– Котик, ты почему оставил меня одну? – капризно хнычет она.

Плюхаюсь на сиденье и пытаюсь остановить дрожь от только что пережитого ужаса. Рядом тут же оказывается Надежда.

– Степаныч, чего стоим, кого ждём? Все на месте, – тормозит она водителя. – Трогай! Быстро.

– Молчать, женщина! – шутливо отвечает тот. – Без твоих команд справлюсь!

– Что делать теперь? Что мне делать? – тихо повторяю я, а в голосе дрожат непролитые слёзы.

– О Боже! Что опять случилось?

– Этот зажал меня и полез целоваться?

– Кошмар! А ты?

– Двинула ему?

– Куда? – серые глаза Нади становятся похожи на круглые пуговицы.

– Туда... вниз...

– По яйцам?

– Н-навверное. Не знаю. Он вскрикнул.

– Согнулся пополам? Схватился за пах?

– Да, не знаю я! Не видела, – оглядываюсь: мажор тащит подружку к стоянке машин. Идёт ровно, не хромает. – Вроде бы жив...

– Да, девка! Нажила ты себе врага!

– Я не хотела. Само вышло, – хватаюсь за голову. – Он же меня уволит! Как жить дальше?

– Погоди, может, ещё отстанет. Ты не в его вкусе.

– Правда? – от облегчения вырывается нервный смешок.

– Скоро сама увидишь. Все его подружки на одно лицо.

Он их пластиковыми куклами называет. А ещё Барби и матрёшками.

– Почему?

– Брови, носы, скулы, губы у всех девиц на один манер сделаны.

– Деньги есть, вот и совершенствуются, – пожимаю я плечами: как далеки проблемы этих девиц от меня!

– У Алекса нет иллюзий на этот счёт, развлекается, как может. Это в основном дочки политиков, богачей, актрисы и теледивы. И сегодня Алекс был с известной блогершей и светской дивой. Постоянно ее искусственное личико мелькает в сми.

– Да? То-то я смотрю, что она кажется знакомой.

– Ты у нас другая. Темленькая, титечки с дулю...

– Неправда, второй размер, – обижаюсь я.

– Да ты что? Дай пощупать! – Надя хватает меня за грудь, едва успеваю вывернуться. – Правда. Ловко ты их прячешь.

– Чтобы не лезли пьяные клиенты.

– И то верно! Хотя... может, и зря. Завела бы себе папика и одним махом все проблемы решила. Вон, как Натаха... то с одним в номерах скроется, то с другим...

– Не так воспитана.

– Т-ю-ю-ю... кто сейчас на это воспитание смотрит?

Надежда права, но пока не могу себя пересилить. Кажется, как впряглась в телегу проблем, так и волоку воз на себе. Вот поступлю в универ, тогда и посмотрим. А пока... пусть остаётся так, как есть.

– Короче, будем верить, что все обойдётся.

Но говорит Надя так неуверенно, что я понимаю: не обойдётся. Я теперь мишень для мажора, очередная игрушка, кукла, и только в его власти казнить меня или миловать.

От этих мыслей тянет в сон, даже не замечаю, как оказываюсь возле родного дома. Наша сталинская пятиэтажка спит, в редких окнах горит свет. Нахожу взглядом свою квартиру на третьем этаже – темно. От облегчения становится легче на душе. Главное, с мамой все в порядке, остальное перемелется – мука будет, как говорил когда-то папка.

Папка... сердце сжимается от боли, а на глаза наворачиваются слёзы. Смахиваю их испуганно рукавом и открываю дверь, стараясь не греметь ключами.

Прислушиваюсь – тихо. Мама уже спит. Кил выбегает из комнаты, стуча коготками по паркету, и рычит. Так, на всякий случай. А вдруг чужак в дом ломится?

Он крутится у меня между ног, не давая закрыть дверь, я улыбаюсь, и все неприятности дня остаются в стороне. Присаживаюсь прямо на пороге и ласкаю Кила по голове.

– Тихо-тихо, – он довольно тянет ко мне мордочку, шершавый язык так и норовит лизнуть в нос, но с меня на сегодня поцелуев достаточно. – Как вы тут? Все хорошо?

– Тяф, – отвечает Кил.

И вдруг ушки тойчика напрягаются, он наклоняет голову, словно прислушиваясь к звукам. Я тоже настораживаюсь, но в подъезде тихо, только с верхнего этажа доносятся слабые звуки музыки. Встаю, чтобы закрыть дверь, и тут Кил заходитя неистовым лаем и проскальзывает между ног к лестнице...

– А-а-а, – эхом отдаётся от стен чей-то крик.

Я срываюсь с места...

Глава 10

Несусь вниз, не чувствуя ступенек под ногами. Ужас! Даже представить страшно, что сделает крохотный Кил, который ненавидит все, что движется, со случайным прохожим. Хорошо ещё, если схватит за штаны, а вдруг заберётся выше? Наш тойчик и не на такое способен.

На следующем этаже картина открывается кошмарная. Оправдываются мои худшие тревоги. Высокий мужчина крутится волчком по лестничной клетке, а на воротнике кожаной куртки висит наш тойчик.

– Кил, фу! Брось его! – кричу сдавленным голосом: не хочется будить всех соседей. – Брось!

– Убери свою шавку! – орет незнакомец.

Он руками пытается оторвать Кила, кажется, ещё чуть-чуть, и этот зверь задушит крохотную собачку.

– Я сама! – взвизгиваю не своим голосом и бросаюсь к мужчине и хлопаю его по пальцам. – Тойчик, миленький, или ко мне, я тебе вкусненькое принесла.

Но расцепить сжатые челюсти собаки не так-то просто. Если она выбрала себе жертву, ни за что не отпустит, может укусить и хозяйку. Киллер вращает выпученными глазёнками и злобно рычит.

– Я тебя засужу! – вторит собаке баритон, и я чувствую запах алкоголя.

– Стойте смирно! – рявкаю на незнакомца. – Киллер на дух не переносит пьяниц.

– Я пьяница? – захлебывается мужик. – Держать надо такую псину на цепи.

– Не двигайтесь!

Он замирает, упираясь руками в стену, и в полумраке подъезда по-прежнему не вижу его лица. Я подавляю смех: слова незнакомца вызывают недоумение. Кого держать на цепи? Карликовую собачку?

– Вы напугали нашего Кила, вот он и напал.

– Ага! Как же! Напугал. Да это чудовище само прыгнуло на меня с верхней ступеньки.

Мне кажется, или в облике мужчины и его голосе есть что-то знакомое? Думать об этом не могу, уговариваю собаку. Удаётся оторвать Кила только с третьей попытки. Мужчина хватается за шею, и я вижу, как его пальцы окрашиваются кровью.

Час от часу не легче! Я держу вертикально трясущееся от бессильной ярости тельце тойчика, чтобы не дать ему возможность пустить в ход зубы. Дверь на площадке открывается, выглядывает сонная тетя Нина.

– Кристя, что происходит? Опять Кил постарался?

– Ах, так это уже не в первый раз?

Мужчина поворачивается лицом, и я охаю: мажор. Что он делает ночью в моем подъезде?

– Вы следите за мной? – вскрикиваю от возмущения.

– Спятила? Нужна ты мне! – фыркает мажор, но отводит взгляд.

– А как я должна понимать ваш визит, господин, в мой дом?

От слова «господин» этот мерзавец морщится, но мне плевать! Достал, зараза, до печёнок! Сама готова вцепиться в его горло мертвой хваткой.

– Кристя, ты его знаешь? – тетя Нина забирает из моих рук Кила.

– Конечно! Этот господин преследовал меня весь вечер на работе, теперь явился и сюда. Тетя Нина, вызывайте полицию!

Интонация моего голоса не нравится тойчику. Он опять представляет себя сторожевым псом, оскаливает зубы и яростно рычит.

– Дочь, что здесь происходит! – вдруг слышу сзади родной голос.

Мы втроём подпрыгиваем от неожиданности: на последней ступеньке пролёта стоит мама. Я с ужасом смотрю на неё, тетя Нина тоже в шоке и закрывает ладошкой рот, лишь круглые глаза торчат. И только мажор разглядывает окровавленные пальцы и матерится под нос.

На маме длинный домашний халат, запахнутый до горла, волосы причёсаны, глаза подведены, а губы накрашены. Такое впечатление, что она не спала, а тщательно готовилась к выходу в свет.

Вот только она покинула квартиру впервые за год.

Впервые!

От удивления мы с соседкой теряем дар речи, зато мажор оживляется.

– Госпожа, вы не могли бы забрать этого пса-убийцу?

– Молодой человек! У вас кровь, – мама медленно поднимает руку.

– Я знаю. Кровь. Это ваш милый пёсик постарался. Укусил меня за ухо.

– Надо же, какое невезение! – вскрикивает мама.

– Так тебе и надо! – мой голос сочится ядом. – И почему Килл выбрал именно ухо, не знаете случайно, господин? Закон бумеранга. Слышали о таком?

У меня даже настроение поднимается. Получил, козлина! Нечего лезть ко мне с поцелуями!

– Лучше заткнись по-хорошему! – мажор надвигается на меня и нависает всей массой.

Радужку глаза полностью закрывает потемневший зрачок, и я вижу в нём своё отражение, которое мне совершенно не нравится. Но Киллер тоже не дремлет. Он рвётся в руках тети Нины и заливается лаем.

– Кристина, где твои манеры? – мама укоризненно смотрит на меня, потом забирает у соседки тойчика и поворачивается к мажору. – Рану нужно обработать.

– Ну, мама!

– Не мамкай, невоспитанная девчонка, – прикрикивает

она на меня и важно поднимается по ступенькам. – Молодой человек, за мной!

На моем лице, видимо, написана такая ярость, такое желание пнуть, что мажор огибает меня по кривой, прижимаясь к стене, но идёт следом за мамой.

– Кристя, что это сейчас было? – шепчет тетя Нина.

– Не знаю. Не понимаю, – пожимаю плечами я. – Мама словно... пришла в себя.

– Может, выздоровела?

– Эх, если бы!

Я поверить не могу в своё счастье. Неужели мои мучения закончились? После смерти отца ни минуты не было спокойной. И вдруг...

– Я боюсь, – всхлипываю от потрясения. – А если это новая стадия? Ещё более страшная?

– Не плачь, моя девочка, не плачь, – тетя Нина прижимает меня к большой груди. – Иди домой, глядишь, этот красавчик радость принесёт в вашу семью.

– Да вы что? Этот мерзавец?

– Беги уже.

Соседка подталкивает меня в спину. Я поднимаюсь на свой этаж. Стою минуту в коридоре, прислушиваясь к звукам. А дома все спокойно, только Киллер недовольно ворчит в вольере, куда его засунула мама в качестве наказания, да слышатся тихие голоса.

Эта минута помогает прийти в себя и выработать линию

поведения. Зря я погорячилась в коридоре. При маме нельзя не только показывать свою ненависть к мажору, но и подавать виду, что мы знакомы.

Раздеваюсь, отношу сумки, брошенные у порога, в кухню и, вздохнув, иду в папин кабинет, откуда доносятся голоса.

Это ещё один поразительный момент небывалой ночи. Год кабинет был заперт на ключ. Мама, как тигрица, бросалась к нему и закрывала телом вход, даже если я просто хотела зайти и вытереть пыль.

У распахнутой двери останавливаюсь, боюсь войти, зато наваливаются воспоминания. С какой любовью папа обставлял эту комнату! Здесь все напоминает о нем. Горло сжимает спазм. Кажется, ещё недавно мы были так счастливы!

Делаю шаг в кабинет, и сразу бьёт в нос спертый воздух пыльного помещения и волнующий микс из запахов. Пахнет кожей, которой обтянуты диван и кресла, алкоголем и йодом, мужским парфюмом и сладкими мамиными духами.

Лучше не думать о грустном, лучше не думать!

В кабинете, освещенном только настольной лампой, царит полумрак. В кресле у стола сидит мажор, наклонив голову, а мама колдует над его головой.

– Закончили? – спрашиваю я. – Гостю пора домой, я устала.

– Кристина, дочка, разве так можно? – всплескивает руками мама и роняет на пол пластину лейкопластыря.

Она наклоняется, чтобы его поднять, но то же самое де-

лает и мажор, глухой стук лбами кажется слишком громким в тишине квартиры.

– Ох! – трёт больное место мажор. – Что-то у меня сегодня травматизм повышенный.

При этих словах он выразительно смотрит на меня.

– Ещё бы! – фыркаю под нос.

– Кристина!

– Мама, может, ты его ещё чаем угостишь и спать уложишь? – не выдерживаю благостной атмосферы я.

– А я бы чайку выпил, – усмехается мажор. – И домой ехать уже поздно.

– Спятил совсем, господин? – скриплю зубами беззвучно.

Он выразительно поднимает брови: развлекается сволочуга!

– Можно и чай, и мягкую постель, – вставляет вдруг мама. – Вот только... тогда вам придётся жениться.

Я впадаю в ступор.

Меня что, решили добить?

Глава 11

Жениться?

Она шутит или серьезно? Вглядываюсь в лица хозяек квартиры. Кристина явно растеряна, стоит с раскрытым ртом, словно что-то хочет сказать, но не может.

А ее мать вполне серьёзна. Я вижу, как подрагивают ее длинные пальцы, сжимающие пластинку пластыря. Глаза сияют лихорадочным блеском, щеки заливают румянец. Вот она кладёт пластырь, кокетливо взбивает волосы и теребит бортики шелкового халата, которые уже не закрывают наглухо ее тело, а свободно лежат на груди. Женщина проводит рукой по шее, ее пальцы ныряют в ложбинку между полушариями и ещё больше оголяют их.

Интересная ситуация. Прислушиваюсь к себе. Нет, меня престарелые дамы не волнуют. Совсем. Хотя полумраке комнаты мать и дочь кажутся сёстрами. Обе стройные, невысокие, с длинными прямыми волосами и очень красивые.

Ептыть! Какой сложный выбор!

И почему все хотят меня женить? Но, судя по всему, в этом доме есть мужчина: кабинет обставлен в соответствии с его вкусом. Взглядом натыкаюсь на фото в тяжёлой рамке, которое стоит на книжной полке. На нем на фоне водопада позирует семья. Крепкий мужчина в шортах и футболке обнимает за плечи хрупкую женщину, а с другого боку в его ру-

ку вцепилась голенастая девушка, почти девочка. Длинные волосы заплетены в косу, а та переброшена через плечо.

Счастливые люди на отдыхе в лучший для себя день жизни.

– Уходи! – глухо говорит издалека Кристина. – Убирайся из моего дома!

– Дочка, так нельзя!

Голос матери едва слышен. Он шелестит, как осенняя листва, и лопается на каждом звуке. И я вдруг понимаю: что-то не так с достойным семейством, не пора ли мне делать ноги? Но язык работает вперёд головы.

– А чай? Что-то в горле пересохло.

– Ах, ты... – официантка уже не сдерживает эмоций. Ее лицо искажает гримаса. Она срывается с места, хватая меня за рукав и тянет к выходу. – Обойдётся, господин хороший! Дверь открыта. На выход!

Такого обращения стерпеть не могу. Мало того, что сегодня оказался обрызган кофе, почти получил по яйцам и был растерзан зубами шавки, так ещё и выставить меня хотят, как бомжа. Я вырываюсь.

– Ты, матрешка, нюх потеряла? Я тебя засужу за членовредительство.

– Давай! Вперёд! Кому нужны твой потрёпанный карандаш и шарики?

– Что-о-о? – так со мной ещё ни одна Кукла не разговаривала. – Карандаш? Да ты, на себя посмотри! Сама страху-

илина! На тебя ни у одного мужика хозяйство не вста...

От внезапного удара по затылку захлебываюсь словами. Отскакиваю в сторону и оборачиваюсь: сзади стоит мамаша с толстенной книгой в руках. Вот она медленно поднимает ее снова...

Все! На сегодня с меня хватит!

Вырываю книгу из пальцев хозяйки и швыряю ее на диван. На той-терьера, бьющегося в истерике лая, скалю зубы и рыкаю. Тот со щенячьим визгом прячется в домике вольера.

– Сволочь! – кричит Кристина и бросается на меня с кулаками.

Но я успеваю распахнуть дверь и выскочить в коридор. Да, сам не думал, что могу так быстро спускаться по ступенькам. Но летел по лестничным пролетам буквально на крыльях. Скорее, вот отсюда! Из затхлого воздуха кабинета, из квартиры с безумными женщинами, из дома, в который сам не понимаю, как попал.

Выскакиваю на крыльцо и вдыхаю кислород полной грудью, подставляю лицо под морозящий дождик и, кажется, будто на свободу вырвался из кладбищенского склепа. Несколько секунд понадобилось, чтобы прийти в себя и просветлеть мозгами. Наконец оглядываюсь, выискиваю глазами огоньки такси. И только тут понимаю, что его нигде нет. Вот это номер! Неужели уехало? А как же Лариса, которая осталась спящей в салоне? Ептыть! Теперь придётся ещё и с отцом выяснять отношения! Сходил, называется, в ресто-

ран, и нажил на свою задницу ворох проблем.

Вызываю новую машину. В дороге пытаюсь понять, как я оказался у дома Кристины. Такие поступки не в моих правилах. Никогда не бегал за бабами, они сами преследовали меня. А тут зацепила чем-то матрешка, напрочь отключила мозги, околдовала золотыми, как у кошки, глазами. Словно вместо шампанского, приворотное зелье выпил.

В номере даже не раздеваюсь, падаю плашмя на кровать и сразу проваливаюсь в сон. Пробуждение оказывается кошмарным. Сквозь пелену откуда-то издалека пробивается звонок. Он свербит и свербит мозг, ввинчивается в него почище шурупа, не дает задержать в памяти кусочки соблазнительной картинки.

Рукой нащупываю телефон и рывкаю в трубку:

– Какого лешего?

Тишина, никто не отвечает, а звонок заливается с новой силой. Смотрю на часы: половина девятого, ещё спать и спать. С трудом сползаю с кровати и иду к двери. Кого ещё черти принесли в такую рань?

– Санька, открывай эту дверь, пока я ее не выбил! – рычит из-за створки голос бати.

Стою секунду в раздумье. Может, притвориться, что не ночевал дома? Вздыхаю: бесполезно. Отец наверняка уже выяснил, что я в номере. Открываю дверь.

– Батя, ты бы ещё раньше пришел, – нападаю сходу, не даю ему опомниться.

Но отцу этого и не надо. Он вдруг откидывается назад, заносит руку, и я даже глазом дернуть не успеваю, как родительский кулак впечатывается в мое прекрасное рыло. На мгновение теряю ориентацию, кажется, что черепок лопнул, как спелый арбуз. Трясу головой, пытаюсь понять, что происходит.

– Борик, так нельзя! – из-за спины родителя появляется испуганная любовница, а за ее спиной виднеется парочка громил-телохранителей. – Он же твой сын! – она бросается ко мне. – Алекс, миленький, покажи, где болит?

– Отстань, – толкаю Нику рукой.

– Убью, гаденыш! – кидается на защиту любовницы отец. – Как родил, так и придушу!

Он снова пытается ударить меня, но я уже настороже: перехватываю его запястья и крепко сжимаю.

– Ещё раз полезешь с кулаками, отвечу, – говорю тихо, но так, чтобы с первого раза стало ясно. – Я уже не ребёнок, могу сам решать, как жить.

– Мальчики, так нельзя! – верещит Ника и тянет нас в разные стороны. – Вы же родные.

– Да? Сам? – отец не обращает внимания на неё. Он, хотя и сдает позиции, ещё кипятится и пылает праведным гневом.

Я смотрю на его вспотевшее красное лицо, на очки, криво лежащие на носу, и внезапно чувствую жалость. Если бы я вырастил такого сына – морального уроды, тоже захотел бы прибить на месте.

– Сам, – закрываю дверь и показываю гостям на диван. – Проходите, садитесь, сейчас закажу завтрак.

Разворачиваюсь и иду в ванную: пока приведу себя в порядок, разгневанный предок, глядишь, и успокоится. Быстро заказываю завтрак в номер и забираюсь в душевую кабину. Под струями контрастного душа голова становится ясной.

Словно фильм перед глазами проносится моя бесцельная жизнь. Вечная война с отцом, постоянно испуганный, словно вороватый, взгляд мамы, почти тридцать лет живущей с домашним тираном. И хотя сейчас он уже вышел в тираж, былой силы и сноровки не растерял.

Ощупываю отёкшую переносицу, надеюсь, обошлось без перелома, но снимок придётся сделать. Красавец мужчина. Прокушенная мочка уха похожа на спелую сливу, под взглядом разливается синяк, а нос превратился в грушу – осенний сбор урожая, не иначе.

Выхожу, обмотав бедра полотенцем, просто детское желание позлить папашу. И он тут же реагирует на провокацию.

– Прикройся! – батя снимает с себя плащ и швыряет в меня.

Я демонстративно перешагиваю через тряпку и закрываюсь в спальне. Подождут. Если сразу не ушли, значит хотят поговорить. Только вот о чем?

Идея приходит в голову неожиданно. А что, если...

Глава 12

Я выталкиваю мажора в коридор и прислоняюсь к двери, словно этот паразит может прорваться сквозь запертые замки и задвижку. На секунду закрываю глаза, от пережитого внутри все трясётся, как зеленое желе. Почему зелёное? Не знаю. Кажется, этот цвет ассоциируется у меня со всем мерзким и грязным.

Вдох-выдох, вдох-выдох.

Уф! Наконец-то этот день закончился!

Отталкиваюсь от косяка и иду в кухню. Из ее окна хорошо виден двор. Не понимаю, как мажор узнал мой адрес. Через администрацию ресторана это сделать невозможно: рабочий день закончился, в офисе никого нет. Неужели специально следил? Вот больной! На всю голову отмороженный.

Осторожно отодвигаю штору и выглядываю. Из арки во двор въезжает такси. Я вижу, как Алекс садится в машину, бросая взгляды на дом, и испуганно прячусь.

– Ты плохая дочь, – тихий голос мамы, будто ледяной водопад, обрушивается на голову и приводит меня в чувство.

– Почему? – спрашиваю машинально и тут же жалею об этом.

Разрядка от пережитого стресса наваливается сразу, не даёт сделать шаг или поднять руку, а уж тем более спорить среди ночи с мамой, которая стоит в дверях кухни, по-преж-

нему теребя края халата.

Ох, как мне не нравится ее поведение! Как не нравится! Получается, незваный гость задел какие-то струны в мертвом от горя сознании. Завтра придётся опять вызывать врача.

Но у меня же другие планы!

Хочется плакать. Похоже, я никогда не буду жить своей жизнью.

* * *

Мы переехали в Москву чуть больше года назад. Отец-полковник, получил высокое назначение, вместе с которым прилагалась служебная квартира (правда, весьма потрепанная, зато почти в центре столицы) и представительный автомобиль с личным водителем.

С радостным сердцем мы раздали старое имущество друзьям и знакомым, избавились от машины и прилетели с Дальнего Востока налегке, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Временно поселились в отеле и начали строить грандиозные планы на будущее. Папа видел себя генералом в верхушке военных сил страны, мама хотела насладиться жизнью столичной дамы, а я мечтала учиться в самом крутом вузе страны.

Жизнь казалась прекрасной, а Москва – сокровищницей,

заполненной сундуками с возможностями.

Увы! Наше счастье было иллюзией.

Папа через месяц умер от сердечного приступа. Просто однажды пришел с работы, взволнованный новыми перспективами, лёг спать и не проснулся. От пережитого стресса мама погрузилась в затяжную депрессию и превратилась в унылую тень: целыми днями бродит, шаркая ногами по полу, и вот уже год не выходит на улицу.

А я?

Я, восемнадцатилетняя девчонка, мгновенно повзрослела. После похорон и первого шока вынуждена была разгрести это жизненное дерьмо.

Деньги в неумелых руках быстро закончились: слишком много я потратила на адвокатов, так как управление потребовало вернуть предоставленное жильё. Но другого у нас с мамой не было, поэтому квартиру пришлось отстаивать и вырывать у государства чуть ли не зубами. Однако жить в пустом помещении без ремонта и мебели было невозможно. Пришлось пустить часть страховки на краску, обои и покупку элементарных вещей.

А остатки средств ушли на врачей и лекарства для мамы. Сначала ею занимались московские светила, потом доктора из поликлиники рядом с домом. Результаты не дали ни те, ни другие, мама не хотела возвращаться из своего мира, где ей стало уже привычно, а деньги растворились в воздухе.

Вот так, засунув золотой аттестат подальше в шкаф, я ста-

ла искать работу, научилась считать деньги и планировать траты. Сначала мыла подъезды, чистила во дворе снег, выгуливала животных, а когда немного освоилась в Москве, завела знакомых, стала выбирать места более приличные и высокооплачиваемые.

Так и оказалась в ресторане. Конечно, далеко от дома, добираться на работу приходилось с несколькими пересадками, зато я могла брать с собой остатки еды, проводить первую половину дня с мамой и даже немного откладывать.

* * *

Не отвечая мне, мама проходит в кухню и начинает разбирать пакеты, брошенные на пол. Я молча ставлю чайник. Три часа ночи не время для ужина, но в желудке урчит, сегодня не было возможности нормально поесть, а потрясения всегда вызывают у меня зверский аппетит.

Вместе убираем продукты в холодильник. Последним достаю из пакета контейнер с пирожными. Запах из него несётся такой, что не могу удержаться от соблазна.

Быстро разливаю по чашкам чай.

– Держи, – подвигаю к маме тарелочку. – Дядя Миша делает просто восхитительные тортики.

Я люблю эти ночные посиделки в тишине перед выходным днем.

– Тина, ты считаешь меня сумасшедшей? – вдруг спраши-

вает мама.

Вилка с кусочком пирожного застывает на полдороге ко рту. И как я должна ответить на этот вопрос? Естественно, поведение мамы наталкивает на мысль о безумии, но это не так. Психиатры хором утверждают, что процесс обратимый, нужно только немного подождать. Она просто потеряла опору под ногами и цель в жизни. А сколько это будет длиться, никто не знает.

– Конечно, нет, мамочка. Ты сегодня была просто на высоте. Сама вышла из квартиры, гостя за собой привела и... открыла кабинет.

Язык прикусываю, чтобы не проболтаться о гормональном всплеске. Мама явно отреагировала по-женски на появление в доме красивого мужика.

– Ерунду говоришь! А в кабинете давно пора прибраться, от пыли дышать нечем.

– Но...

«О Боже! – пытаюсь подавить стон и закашливаюсь. – Она даже не понимает, что год сидит дома. Господи! Если ты есть, помоги мне выдержать и это испытание!»

– Киллер, солнышко! – хватаю контейнер и бегу к собачке – маленькая хитрость, чтобы прекратить допрос. Обиженный тойчик сидит в домике и не показывается. – Будешь пироженку? Очень вкусно.

– Р-ы-ы-ы...

– Не капризничай, выходи.

Блестящий носик показывается в отверстии домика, а следом вылетает и худенькое тельце. Тойчик подпрыгивает и радостно повизгивает. Я кладу в его миску кусочек торта и любуюсь другом, пока он слизывает языком крем.

– Кристина, кем тебе приходится тот парень? Ты с ним встречаешься?

Вздрагиваю и оглядываюсь: мама подошла совершенно беззвучно и смотрит на меня пронзительным взглядом.

– Нет!

– Не обманывай меня, дочь!

– Я говорю правду. Это клиент ресторана...

Отвечаю и замолкаю: я не знаю, помнит ли мама, где я работаю. Она любую информацию, кроме плохой, воспринимает безучастно.

– И что этот клиент делает в нашем доме? Ты его пригласила?

– Нет, что ты! – взмахиваю руками, Киллер скалит зубы.

– Мужчина живет в нашем доме?

– Н-нет! – отвечаю, а в душе растёт чувство, что иду по тонкому льду. – Mamочка, пойдём спать.

Обнимаю ее за плечи, но она решительно высвобождается.

– Кристина, я жду...

Приходится коротко рассказать ей о сегодняшних приключениях, старательно обойдя тему увольнения.

– Трудно тебе приходится, моя девочка? – мама прижи-

мает меня к груди и целует в лоб.

Этот всплеск эмоций такой неожиданный, такой странный, что слёзы снова набегают на глаза. Сколько раз призывала себе не плакать, идти напролом, добиваться своего любыми способами, а все равно срываюсь.

– Пойдём спать, мамочка.

Мы ложимся вместе, крепко обнявшись. Я не возражаю, за год привыкла, хотя у меня есть своя комната.

Утром просыпаюсь от бречания посуды и приглушенного разговора. Сердце заходится стуком в панике: что случилось. Вылетаю из спальни, по дороге спотыкаюсь о забытый вчера у вольера контейнер из-под пирожных. Машинально поднимаю его и бегу в кухню.

Какая-то тревожная мысль царапает меня, но вижу благостную картину и облегченно вздыхаю: мама стоит у плиты, печёт блинчики, а тетя Нина сидит рядом на стуле и довольно смеётся.

Я спрашиваю ее взглядом: «Как дела?»

Она показывает большой палец. Настроение сразу поднимается. Люблю, когда в доме спокойно.

– Заканчивайте свою пантомиму, – смеётся мама как в старые добрые времена. – Садитесь к столу.

– Сейчас.

Заношу руку с пустым контейнером над мусорным ведром и напрягаюсь: на дне лежит что-то красное, похожее на...

О Боже! Наклоняюсь, и тут мама говорит:

– Нина, ты можешь сшить свадебное платье?

Глава 13

Сказать, что я в шоке – ничего не сказать. Меня словно пыльным мешком из-за угла прихлопнули. В голове полный развал, мысли кричат, перебивают друг друга. Резко выпрямляюсь и чуть не падаю от шока в мусорное ведро. Тетя Нина успевает схватить меня за руку.

– Девочки, блинчики остывают. Садитесь уже, – как ни в чем ни бывало приглашает к столу мама. – У нас сегодня много дел.

Она в отличном расположении духа. Домашний халат исчез, его заменили льняные брюки и ярко-желтая туника – любимый мамин наряд при жизни папы. Волосы она стянула резинкой в высокий хвост. За год затворничества похудела и стала выглядеть совсем юно, несмотря на возраст.

Мы с тетей Ниной переглядываемся.

– Лиля, обязательно сошью платье, только мерки нужно снять, – осторожно говорит соседка. – А кто из вас выходит замуж?

Я обжигаюсь горячим чаем, совсем не думаю о завтраке, не знаю просто, как реагировать на мамино заявление.

– Конечно, Тина, – заливается смехом мама. – Она вчера привела домой жениха. Такой красавчик. Настоящий краш, так вы сейчас называете?

– К-кого?

– Не тупи, дочка. Красивых молодых людей.

– Д-да. Но вчерашний гость не мой жених, мама, – говорю тихо, умирая от ужаса и страха.

Зря я надеялась на мамино выздоровление. Кажется, она ещё больше погрузилась в фантазию. Вот сейчас заберётся с ногами на подоконник, и придётся мне караулить ее весь день, вместо того чтобы писать заявление на курсы.

От представленной перспективы заныло под ложечкой. А завтра идти на смену. Не могу же я оставить маму в таком состоянии одну!

Черт! Черт! Черт!

Однако мама не обращает на мои слова внимания.

– Сейчас мы поедem в самый известный салон, – рассказывает она соседке. – Нужно записаться заранее на косметические процедуры. Ниночка, ты обязательно должна сделать маску из водорослей. Она просто творит чудеса с кожей.

– Правда? Не знала, – соседка смотрит на меня отчаянным взглядом.

Я ее понимаю. Весь день она сидит под лампой, низко склонившись к швейной машинке. Пальцы исколоты иглами, кожа обожжена в нескольких местах горячим паром. Но такой труд – это ее хлеб с маслом. Мизерная пенсия не позволяет широко разгуляться, а хочется ещё помочь детям и купить подарки внукам. Сомневаюсь, что тетя Нина часто посещала дорогие салоны.

– Потом поработаем над твоими руками, – не умолкает

мама. Посмотри, эту старческую гречку надо удалить. Руки женщины – это зеркало ее возраста и здоровья, – и тут же меняет тему. – Ты мне поможешь выбрать ткань для платья и фурнитуру. Что ещё нам понадобится?

– Лиля...

– Погоди, это надо записать.

Мама срывается с места и убегает.

– Что делать будешь? – шепчет тетя Нина. – Кажется, она совсем того...

– Не знаю. Я боюсь, – голос дрожит, вот-вот сорвётся на крик.

– О чем шепчитесь, подружки? – мама приносит блокнот и ручку. – Тина, позвони родителям... Кстати! А как зовут твоего жениха?

– Мама, он не мой... – тетя Нина пинает меня под столом по ноге, и я проглатываю слова. – Его зовут Александр.

– Вот! Надо связаться с родителями Александра. О Боже! Какое благородное имя! Знаешь, Ниночка, в переводе с древнегреческого Андрос – это мужчина, защитник. Да, Кристина, день свадьбы мы назначим на тот день, когда твой папа вернётся из командировки.

Что? Чувствую, как земля расплзается под ногами.

Час от часу не легче! Хочется выйти на балкон и завывать в голос! Что же делать? После смерти папы мама осознавала, что его больше нет с нами. Почему же сейчас вдруг забыла?

Идея вспыхивает в голове лампочкой в сто ватт. Таблетки!

Теперь я бегу в спальню, открываю мамин шкафчик с лекарствами и в бессилии плюхаюсь на кровать: конвалюты лежат ровными стопками, пестрея разноцветными капсулами. Когда, в какой момент мама перестала их принимать, я даже не заметила.

Вот тебе и иллюзия выздоровления! Вот тебе, Кристина, и начало новой жизни! Моя мечта – поступить в университет бизнеса и туризма, отодвигается на неизвестный срок, а, скорее всего, навсегда. А я еще хотела получить целевое направление от ресторана.

И тут холодным потом прошибает лоб. Направление! Директор обещал дать мне нужную бумажку. Хотя... меня уже, наверное, опять уволили. Нельзя! Ни в коем случае нельзя! Потеря хорошей работы сейчас для меня равносильна смерти. Лучше буду терпеть выходки мажора.

Дрожащими пальцами звоню Наде.

– Ты чего в такую рань? – зевая, спрашивает она.

– Наденька, какая рань? Уже десять утра.

– О Боже! Конечно, рань. Ну, говори, что случилось, раз уж разбудила меня.

Выслушав меня, Надя звонит Феликсу Леонидовичу, тот – директору. И по обратной цепочке я получаю информацию, что никто меня пока не уволил, а целевое направление ждёт в сейфе.

Хоть это немного успокаивает, только что делать с мамой? Как убедить ее, что я не выхожу замуж. И даже не думаю

пока об этом событии.

Возвращаюсь в кухню, придавленная обстоятельствами и отчаянием. Мама по-прежнему возбуждённо размахивает руками, соседка внимательно ее слушает. Заметив меня, огорчённо качает головой. Без слов понятно, что крыша поехала у мамы окончательно.

– Кристина, собирайся. Возьми с собой паспорт, вдруг понадобится. Ниночка, помоги мне выбрать наряд для выхода.

Она тащит соседку в спальню, а я бреду в свою комнату и набираю номер лечащего врача.

– Виталий Семёнович, что мне делать?

Всхлипывая, рассказываю о случившемся. Доктор внимательно слушает, задаёт наводящие вопросы.

– Говоришь, мама собралась выйти на улицу?

– Да, одевается. Я просто в шоке. А если я с ней не справлюсь? Дома хоть как-то могу контролировать.

– Кристина, не паникуй пока. Давай посмотрим на ситуацию с положительной стороны. В голове Лилии Николаевны идёт серьёзная работа. Мозг замещает одну фантазию на другую. Твоя мама возвращается в реальный мир, своим путём, но возвращается.

– Но она думает, что папа в командировке, а я выхожу замуж.

– Это не страшно. Пусть лучше фантазирует, чем живет в эмоциональном ступоре. Привози ее ко мне.

– Как?

– Просто. Вызывай такси и привози. Я встречу вас в холле клиники. Придумай разумный предлог.

Ношусь по квартире, как ужаленная. Мозги просто кипят. Собираю документы, одеваюсь, тороплю маму. Она появляется из спальни в лучшем своём наряде. Брючный кашемировый костюм из осенне-зимней коллекции прошлого года сидит на стройной фигуре просто идеально. К маминым темным волосам, зачесанным на прямой пробор и убранным сзади в низкий пучок на шее изумительно подходит бежевый цвет ткани.

– На улице дождь, – осипшим голосом говорю я, больше нет сил бодриться.

– Разве твой жених не приедет за нами на машине? – пожимает плечами мама.

– Кошмар! – шепчу одними губами.

– Согласна, – отвечает так же соседка.

Мы скоро с ней выучим язык жестов, пока пытаемся скрыть правду от больного человека.

– Мамочка, Алекс занят.

– Кстати, а чем он занимается?

– У него ресторанный бизнес.

– Какая ты у меня умница, дочка, – мама натягивает на руки кружевные перчатки, потом легонько треплет меня по щеке. – Ты почему ещё не одета?

– Лиля, не хочешь пока прогуляться с Киллером? – выручает тетя Нина.

– В таком виде? Под дождем? – мама присаживается у вольтера. – Дорогой, тебе придётся делать своё пи-пи на пеленку. Мы скоро вернёмся, не скучай.

Она достаёт с полки туфли на высоком каблуке, обувается и выходит за дверь. Я наскоро причёсываюсь, натягиваю джинсы и свитер, сую ноги в кроссовки. Мне не до красивых нарядов, сохранить бы в целостности собственное здоровье. С тоской смотрю на папку с документами, приготовленную для поступления на курсы. Почему она лежит на столе? Я же хранила ее во внутреннем ящике.

И опять меня царапает какая-то мысль, но я не придаю ей значения. Выскакиваю из подъезда и... сразу окунаюсь в скандал...

Глава 14

Я выхожу из спальни при полном параде. Надеваю строгий деловой костюм, белую рубашку и галстук. У зеркала приглаживаю ещё влажные волосы, раздумывая, убрать с лица щетину или оставить. Решаю разделаться с ней чуть позже, если получится разговор с отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.